

Искорка 6

1977

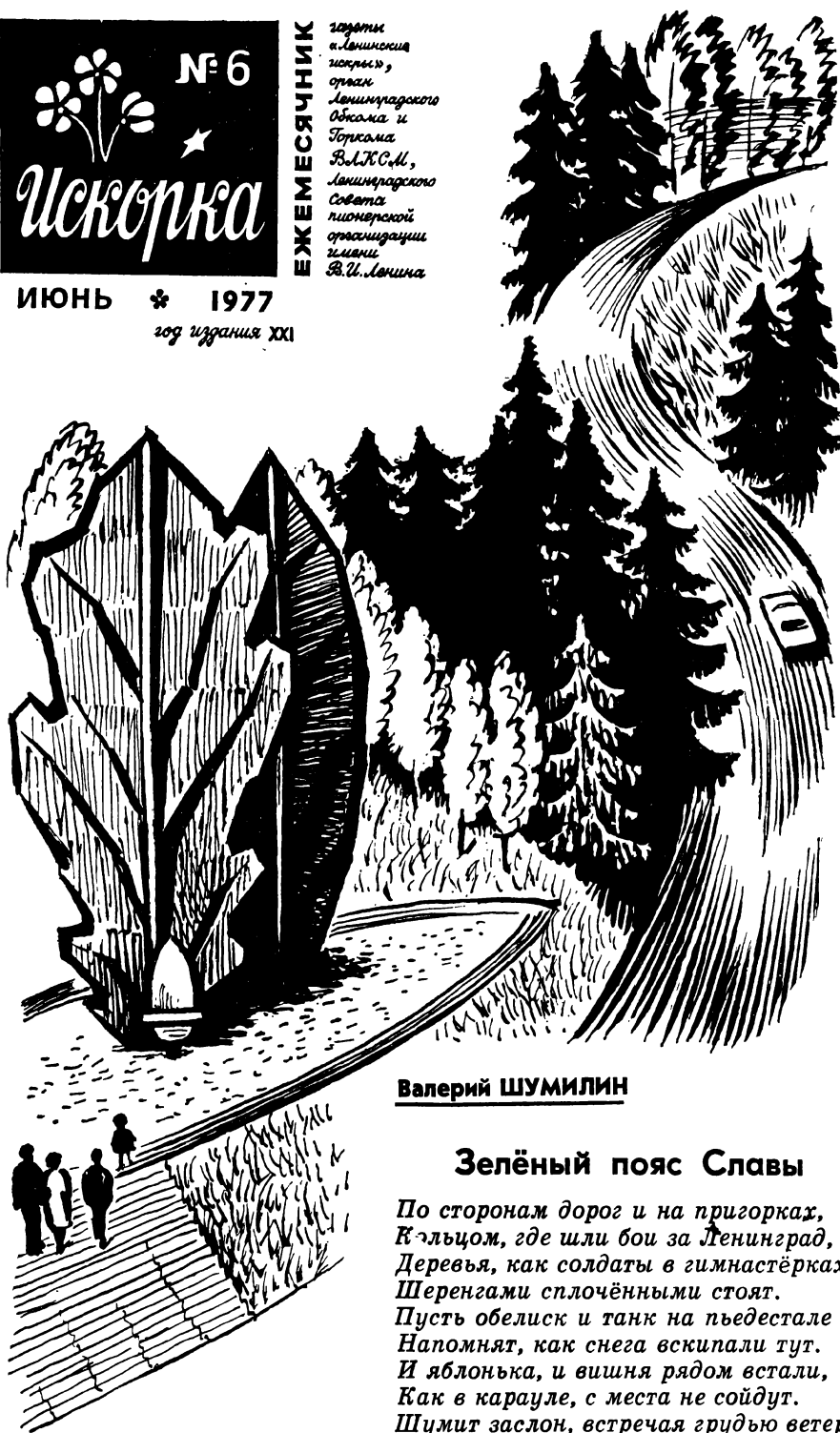

ИЮНЬ * 1977

год издания XXI

газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Валерий ШУМИЛИН

Зелёный пояс Славы

*По сторонам дорог и на пригорках,
Кольцом, где шли бои за Ленинград,
Деревья, как солдаты в гимнастёрках,
Шеренгами сплочёнными стоят.
Пусть обелиск и танк на пьедестале
Напомнят, как снега вскипали тут.
И яблонька, и вишня рядом встали,
Как в карауле, с места не сойдут.
Шумит заслон, встречая грудью ветер,
Хранит земля следы военных лет.
Стоят в строю деревья, и на свете
Величественней памятника нет!*

Рис. Г. Монсеевой

ПРОБУЖДЕНИЕ

Партия Медведя

В автобусе было много свободных мест. Они сели у окна. Шофёр выбился из графика и теперь навёрстывал упущенное время. Шульгин молча следил,

как они обгоняли трамваи и троллейбусы. А Витковская словно из благодарности, что Шульгин взял её с собой, да ещё согласился пойти на репетицию, рассказывала ему о новом танце, который ставила им Евгения Викентьевна.

— В прошлый раз ты репе-

Окончание. Начало в «Искорке» № 4.

тировал с нами литовский танец. А мы, кроме этого, начали «Лесную сказку»...

— Выходим,— сказал Шульгин и пошёл к двери.— Ты здесь постой, у больницы... А если долго пробуду, не жди, я потом приду.

— Нет. Я хочу с тобой.

Шульгин вздохнул и открыл дверь. Пошёл к овальному окосечку и спросил:

— Можно пропуск к Устинову?

— Устинов... Устинов...— повторяла девушка, пока искала эту фамилию по спискам.— Вы ему кем приходиться?

— Соседи мы, но он сам просил, чтобы я пришёл.

— Пусть взрослые приходят, родители. Вам нельзя.

Шульгин медленно подошёл к Витковской.

— Ой, Серёжа, я думала, он просто болен... Что же делать? Ведь мы ему не поможем?

Они приехали к Дворцу культуры, быстро сняли пальто и поднялись в зал. Евгения Викентьевна увидела Шульгина и подошла к нему.

— Кто к нам пришел во второй раз, придёт и в третий,— сказала она.— Мы тут посоветовались с ребятами и решили дать тебе партию Медведя. Трудно будет, но мы поможем.

— Спасибо, но...

— Никаких «но». Бегом переодеваться, и приступим... Так, встали на «Лявонику»... И-и, начали!..

Пианист ударил по клави-

шам, несколько пар закружились в танце.

— Идём,— шепнула Витковская.— Нас ждут.

Они забежали в дверь за роялем. Витковская втолкнула Шульгина за перегородку.

— Быстро, не останавливаться, начали!— доносился голос Евгении Викентьевны.— Веселее, с характером!.. Корпус! Положите корпус и голову на зрителя... А руки мягче!..— Её звонкий голос заставлял торопиться и Шульгина. А когда он переоделся и вошёл в зал, Витковская уже была здесь. Она присела у станка и красиво отводила в сторону руку.

— Становись позади,— сказала она.— Делай то же, что и я.

На них никто не обращал внимания, и Шульгин подчинился. Но казавшиеся простыми в исполнении Витковской движения не получались у Шульгина. К нему подошёл свободный от танца Валерий Головкин. Показал, как нужно держать руку, а затем оттянул носок и сделал грудь колесом.

— Выпрямись, посмотри туда, в верхний угол. Ты что, замёрз?.. Видишь, какая у неё линия спины? Держись так же, не горбись. И оживёшь!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Давно, во время войны

Если бы можно было словом охарактеризовать жизнь нашего героя в последние два месяца, то, наверное, этим словом было бы слово «подготовка». Шульгин готовился к

первым экзаменам. Готовился к первому концерту. И конечно же, не забывал о своём соседе и готовился навестить его в больнице. От родителей он знал, что Анатолию Дмитриевичу сделали операцию, но здоровье его по-прежнему висит на волоске,— лечиться нужно было раньше...

Итак, Шульгин постоянно к чему-то готовился и был постоянно чем-то занят. Однако, возвращаясь с Витковской и Валерием после занятий в ансамбле, он замечал, что время не стоит на месте, что весна медленно переходит в лето, что на деревьях появились нежно-зелёные листья и что старый асфальт на тротуарах пучится и трескается от бьющей из-под него травы.

— Ты любишь, Серёжа, весну?— спрашивала Витковская.

— Ага,— отвечал Шульгин,— но зиму больше.

— Почему это?

— Комаров нет,— отвечал Шульгин,— и мухи не летают...

В школе он по-прежнему помалкивал. Его не пугали ни предстоящие экзамены, ни повышенная строгость учителей. Зато он очень быстро почувствовал, что к нему заметно охладели «наполеоны». Теперь они чаще говорили о билетах и последнем звонке и совсем редко о кактусах, мотоциклах и фотографиях. Они никуда не приглашали его, словно бы он совершенно перестал существовать. Это не только не огорчило его, но даже обрадовало: не нужно было тратить время по пустякам...

Как-то вечером, когда он гладил тренировочные брюки, вошёл отец.

— Был у соседа,— сказал он.— Ему полегчало. Завтра можешь и ты сходить, он просил...

— Всё будет сделано,— сказал Шульгин и даже разволновался. Ведь он давно ждал этого разрешения. На следующий день после занятий Шульгин приехал в больницу. Дежурная медсестра выдала ему халат и проводила в палату.

Анатолий Дмитриевич лежал у окна. Улыбнулся и прикрыл глаза — обрадовался. Его руки теребили розоватую крахмальную простыню. Большая забинтованная голова глубоко утопала в подушке. Палата была большая. Кроме Анатолия Дмитриевича здесь лежали ещё семеро.

— Сестричка,— простонал у стены толстый мужчина,— принеси, пожалуйста, воды. Меня жажда мучает.

— Никакой воды,— быстро сказала медсестра.— И вас прошу, товарищи, не поить его, это может плохо кончиться...

Шульгин присел на табурет рядом с Анатолием Дмитриевичем.

— Как вы себя чувствуете?

— Как на собственных похоронах... Врачи этого не говорят, а я точно знаю — долго не протяну. Я рад, что ты пришёл, ты сядь поближе.— Он поморщился от боли. Прикрыл глаза и стал говорить так тихо, что Шульгин не разбирал слов. Шевелились только губы. Его

помертвевшее лицо почти не участвовало в разговоре, оставаясь восково-неподвижным.

— Пить, — попросил толстый мужчина.

— Мне очень плохо, Серёжа. Помнишь, я тебе говорил, что хочу тебе кое-что рассказать? Только не удивляйся, а постарайся запомнить. Должен я кому-то рассказать. Кроме тебя — некому. Многих в своей памяти перебрал, а ты один остался. Знаю, мой рассказ не принесёт тебе радости, но именно потому, что и в моей жизни этой радости не было. У тебя будет другая жизнь, но ты должен знать... Так вот, по порядку... До войны я был чуть постарше тебя — ветер в голове, туман! А началась война — одноклассники мои кто добровольцами в военкомат

поехали, кто с отступившими красноармейцами ушли.

— Дайте пить...

— В деревне я жил, восемнадцать лет стукнуло. И девушка была. Кто в регулярных войсках не оказался, тот в партизаны ушёл. А я будто и не вижу ничего, и не слышу. Тут немцы прикатили. Вроде просыпаться начал. А проснулся — а вокруг уже и нет никого. Деревню нашу каратели спалили. Я чудом спасся, в тот день в лесу был...

Пришёл к своей девушке, Любой звали... Она в другой деревне жила. Без отца выросла, семья у них большая, одних сестёр — шестеро. И брат на фронте. Думал: поговорю с ней, может, ещё не поздно в лес уйти. А она или не поверила, или сама путей в лес не знала. Через два дня её вме-

сте с другими девушками села в Германию на принудилровку отправили... Под Минском, в Крупнице, мемориальная доска висит. На ней имя и Бортник Любы. Сожгли её в Освенциме...

Анатолий Дмитриевич замолчал и несколько секунд лежал с закрытыми глазами. Шульгину даже показалось, что сосед больше не заговорит. Он повернулся к двери, чтобы позвать медсестру, и увидел там высокого человека. Он был в сером плаще и даже без халата.

— Вам кого, гражданин? — спросил кто-то из угла.

Мужчина не ответил. Внимательно оглядел Шульгина и вышел в коридор. «Может, ищет кого?» — подумал Шульгин и повернулся к соседу.

— Хоть бы досказать... Когда война уже шла к концу, пробрался я в город, к деду. Плох он уже тогда был и перед смертью мне открылся: сказал про тайник, где бронзового конька прятал... Старинная вещь, дивной красоты работа... Наши уже близко были, немцы в городе свирепствовали, и задумал я оттуда податься.

— Пить, кто-нибудь... пить...

— А со мной ещё трое увязались. Я их мало знал... Видел, как на базаре подторговывали, да, наверно, и другими тёмными делами не брезговали... А куда денешься? Они всё пытались, что я такое тащу, уж не золото ли спасаю. Отшутился, но, чувствую, не поверили... Добрались мы до леса и в самый кипяток угодили:

каратели на партизан шли, палили направо и налево. Мы бежать бросились... Я тебе главного не сказал. Никому не говорил, даже этим бандюгам, когда они пришли ко мне домой и чуть не убили. Это они тогда, помнишь, перед больницей?.. А если и тебе не сказать, то уж больше и некому.

— Ты иди, пацан, а то он устал от разговоров, — сказал бородатый мужчина из угла. Он держал у лица наушник и смотрел на Шульгина.

— Тише, Анатолий Дмитриевич, — попросил Шульгин.

— Хорошо, я тихо... Бежали мы, бежали из последних сил. Я видел, как одному нашему, что бежал первый, разрывная пуля в затылок попала — почти весь череп снесло, так что он и остался там лежать. Тут кинулись от меня те двое в разные стороны. Кусты пошли, и, чувствую, потеряли меня и мои, и немцы. Опустился возле дуба, яму выкопал, решил бронзу спрятать. А потом вернуться, если придёт пора...

— Пить прошу, кто-нибудь, воды...

— Удалось уйти... Пошатался после войны по городам. Лет двадцать даже думать не хотел о том, что в лесу... оставил. А потом решился. Поехал в лес под Минск — там это было... Туристом оделся, пошатался по лесу, да не нашёл того места. Стоило войти в этот лес, как ноги мои будто деревянные от страха становились, каждый шаг с мукой делал,

Он долго смотрел на Шульгина, и глаза его, жёлтые, с покрасневшими белками, слезились и дрожали, будто просили пощады.

— Открой тумбочку и возьми листок. Я утром план нарисовал, где приблизительно закопал. Автобус из Минска «Товарная станция — деревня Поздерки». Я тут всё, что мог, написал, только ты не особенно доверяй. Ищи дуб, а недалеко колодец. Он уже почти зарос. Ещё рядом была сосна с обломанной верхушкой...

Шульгин, не совсем понимая, что делает, открыл тумбочку и достал узенькую полоску бумаги — то ли из блокнота, то ли из записной книжки. На ней чёрными чернилами были написаны какие-то слова, а на поле, очерченном неровной дрожащей линией, стояли значки. Шульгин не разглядывал. Сложил листок вчетверо и сунул в карман.

— И последнее: в кладовке, в рюкзаке, лежит ключ от шкафа. А там, под бельем, мой пистолет. И у меня к тебе просьба: достань его и принеси мне. Принесёшь?

— Я постараюсь...

— Пить хочу, дайте пить...

— Вот будто живой воды просит, а мне и она не поможет. Или можно спастись, а, Серёжа? — дёрнул он головой, и глаза его осветились каким-то жёлтым, словно бы потухающим светом.

— Найди конька, пока эти бандюги до него не добрались. Себе возьми, а лучше в музей отдай. Всё я потерял, так пусть

хоть после смерти люди меня добрым словом вспомнят.

В палату вошла медсестра, и бородач показал ей на Анатолия Дмитриевича:

— Ему опять хуже. Прогоните пацана, что он ему покоя не даёт.

Медсестра посмотрела на Шульгина и подошла ближе. Поправила Анатолию Дмитриевичу подушку, послушала пульс и повернулась к Шульгину:

— Всё, молодой человек, на сегодня достаточно.

Шульгин встал. Не глядя на медсестру, тихо сказал:

— Я к вам приду.

Он вышел из палаты. Быстро сбежал по лестнице. В гардеробе сдал халат и надел куртку.

«Ну почему же он рассказал это мне? Почему не попросил врачей, чтобы они позвали милицию или кого-нибудь ещё, у кого и возможностей больше, чем у меня, и сил? Но ясно, что есть люди, которые знают о тайнике и подбираются к нему».

Повторяю про себя

«Скорей! — торопил он себя. — Скорей же! Если дома — никого, я найду пистолет!..» Открыл дверь и увидел маму. Понял, что поиск откладывается. Снял куртку и направился в свою комнату. Но мама оставила:

— Сынок, ты был у соседа? Как он себя чувствует?

Шульгин опустил глаза. Медленно произнёс:

— Плохо ему. Не надеется, что выздоровеет...

— Может быть, просил что-нибудь из еды? Может, фруктов ему?

— Нет, мама, не просил. Ему ничего не надо.

— В следующий раз обязательно спроси, что ему надо.

Мама села шить. Он понял, что это надолго. Вышел в коридор, постоял у кладовки, не решаясь открыть её и поискать в рюкзаке ключ. Подходил к двери, брался за ручку и снова отходил. Садился в кухне на скамейку, смотрел в окно и ничего не видел, потому что думал об Анатолии Дмитриевиче, о ключе и о том, что в шкафу спрятан пистолет. «Принеси пистолет», — вспомнил Шульгин. «А что ему теперь остаётся? — подумал он. — По его словам, вечно за него решали, кем ему быть. Даже дорогу к партизанам должна была указать ему девушка... И теперь вот тоже свою тайну на меня переложил...»

Шульгин встал и решительно направился к кладовке. Открыл дверь, поднял рюкзак и вытащил из кармана ключ — маленький, с квадратным ушком. Повесил рюкзак на гвоздь, вышел и открыл дверь в комнату соседа. Быстро отомкнул дверцу шкафа и сунул руку под бельё. И тут же пальцы прикоснулись к холодному металлу. Шульгин вытащил пистолет. Несколько секунд смотрел на него... Ему показалось, что за дверью раздался какой-то звук. Он сунул пистолет обратно, закрыл шкаф и

вышел из комнаты. Вернулся к себе, сел за учебник. Но в голове всё так перепуталось, что он не смог прочитать ни строчки. Глаза соскальзывали с текста, и перед ним снова и снова вставала больничная палата, Анатолий Дмитриевич, пистолет.

Закрыв учебник, вышел в коридор. Мысль о пистолете не давала покоя. И тут же появилась мама.

— Сынок, что ты в темноте делаешь?

— Я... Повторяю про себя.

— Пойди сядь к учебнику и сосредоточься. Придёт отец — будем обедать.

«Скорей бы уж. Я бы позвал его к себе и рассказал. Доверить такое можно только отцу.

Он посоветует, подскажет, как поступить... Нет, с отцом пока рано, надо подождать...»

Зазвонил телефон. Шульгин быстро подошёл и снял трубку.

— Серёжа? Это Лариса... Ты не забыл, что завтра у нас генеральная репетиция?.. А после репетиции зайдём ко мне, ладно? Ты ведь у меня ещё не был?

— Зачем? — спросил Шульгин, испугавшись этого приглашения.

— Я тебя познакомлю с мамой и старшей сестрой. Они уже давно мечтают тебя увидеть. Договорились? Ну, отлично. До завтра в школе.

В трубке раздались гудки. Шульгин положил трубку на аппарат и задумался.

Как поступить?

По дороге в школу Шульгин не переставал размышлять. «По сути, для меня Анатолий Дмитриевич был неплохим человеком. В любую минуту к нему зайди — он и слова найдёт, и вопросы задаст такие, что даже отвечать интересно... Стоп! А если всё-таки помочь ему теперь?» От этой мысли Шульгин даже приостановился. Даже вытер ладонью лицо, будто проделал тяжёлую работу и вспотел. И тут же двинулся дальше.

Он вышел на последнюю прямую перед школой, и тут его осенило. Шульгин понял, что прежде всего нужно отыскать тайник.

Окрылённый этой идеей, Шульгин подумал о «наполео-

нах» — они могли бы оказаться хорошими помощниками. И тут же сказал себе: «Спокойно, Шульгин. Пока тайну знаешь только ты, она только твоя. Сначала поговори ещё раз с Анатолием Дмитриевичем».

Разрыв

Шульгин совершенно растерялся, когда на следующий день его не пропустили к Анатолию Дмитриевичу. Отошёл от окна, вернулся, тихо сказал:

— Мне очень нужно, поймите. Всего на три минуты!

— Я понимаю, — кивнула девушка. — Но он без сознания...

Весь долгий вечер Шульгин думал, что делать? Кому рассказать о своей тайне? Проще всего было поделиться с отцом, но Шульгин не знал, как тот поступит. «Хорошо, если поймёт меня и поедет со мной в лес. А если...»

Уснул он с головной болью. Утром, даже не позавтракав, помчался в школу... Когда умолк самый последний в году школьный звонок, восьмой «А» закричал «ура!». Раздались аплодисменты, кто-то даже свистнул. Все понимали: сдать экзамены и — свобода! Громче всех кричали «наполеоны». Шульгин посмотрел на них и решил: «Сейчас или никогда!» Он подошёл к ним и, дождавшись, когда они набирали воздух для нового рёва, сказал:

— Хватит орать.

«Наполеоны» закрыли рты, переглянулись и молча уставились на Шульгина.

— Поговорить надо.

Шульгин вывел их в коридор и, остановившись у окна, медленно произнёс:

— Мне нужны трое надёжных помощников, чтобы отправиться за тайником. Недалеко от Минска в лесу закопана одна вещь. Нужно её найти и привезти сюда.

— Докажи,— сказал Достанко.

— И за этим ты нас привёл?—поморщился Достанко.

— Да,— сказал Шульгин.— Здесь тайник...— Он рассказал им всё, что знал сам.

Ребята молча слушали, изредка взглядывая на полуизмятый листок.

— Я пока не могу сказать точно,— сказал Шульгин.— Но с войны, кроме него, остались

— Идёмте,— качнул головой Шульгин и первым направился к выходу.

Шли быстро. Вошли в квартиру—никого. Шульгин привёл их в свою комнату. Вытащил из кармана листок. Расправил на столе.

— Вот, нарисовал мой сосед, Анатолий Дмитриевич.

Все трое посмотрели на кривые линии и уставились на Шульгина.

ещё двое. Они разыскали Анатолия Дмитриевича и теперь следят за ним и требуют, чтобы он сказал, где тайник.

— Послушай, Серый, не морочь голову,— произнёс Поярков.—Или представь более веские доказательства.

— Пошли,— махнул рукой Шульгин.

Он привёл их в комнату Анатолия Дмитриевича. Пустая клетка у открытой форточки

чуть покачивалась от ветра. Со шкафа свесился угол старой пожелтевшей газеты. Шульгин открыл шкаф и достал пистолет.

— Дай-ка, Серый, я когда-то из мелкокалиберного стрелял,— сказал Достанко. Он взял пистолет, отвернул в сторону. Что-то поделал пальцем—послышался шелчок—сдвинул предохранитель. Направил в пол и медленно нажал курок. В комнате грохнуло. Поярков мгновенно побледнел, а Зимичев сделал шаг назад, будто пошатнулся.

— Сила! — сказал Поярков. — Дай попробовать.

— Хватит. Не губите патроны,— сказал Достанко.

Закрыли шкаф. Быстро вышли из комнаты. Достанко вытащил обойму, и в ней оказалось ещё пять патронов.

— Надо ехать,— сказал Зимичев.

— Правильно,— сказал Достанко.— Сегодня разыщем денег, а завтра отправимся. Медлить нельзя. Этот листок-план я беру себе, так надёжней будет. А то Шульгин у нас такой, что и потерять может, вон как измял.

Он расправил листок на столе, а затем аккуратно сложил и опустил во внутренний карман пиджака. Шульгин задумался. Выходило, что завтра он не явится на концерт. Но дело, которое он затеял, было важнее. И он сказал:

— Решено. Только мне нужно предупредить Витковскую, что завтра я не приду на концерт.

— Дался тебе этот концерт,— сказал Достанко.— Что ты нашёл?

— Не что, а кого,— поправил Поярков.— Витковскую!

— А ты знаешь, что она затащила тебя туда на спор?— бухнул Зимичев.

— Не может быть... Ты врёшь!— проговорил Шульгин краснея. Он глянул на остальных: неужели правда? Поярков, усмехнувшись, кивнул.

— Извини, Серый, но ты чудак... Можешь спросить кого угодно из класса — перед Восьмым марта было.

Шульгин опустил голову и мрачно спросил:

— Зачем вы мне об этом сказали?

— Чтобы знал, кто твои истинные друзья. Особенно теперь, когда у нас есть тайник,— сказал Достанко и побратски положил Шульгину на плечо руку.

— Да при чём тут тайник?— спросил Шульгин.

— При том, что плюнь ты на этого соседа. Пистолет в милицию снесёшь... А мы, если тайник отыщем, знаешь как заживём! Поселимся где-нибудь в пригороде, в палатке,— знаешь как поживём? На всю жизнь — память!

— А я бы нет,— проговорил Зимичев.— Если б много денег получили, к брату бы в армию съездил. Аж в Забайкалье!..

Поярков тихонько хихикнул и сказал:

— Вы рассуждаете, как дети. Неужели не ясно, что эту бронзу нужно сдать в музей? Так

поступил бы любой нормальный человек.

— Так,— произнёс Шульгин.— Конечно. И всё-таки зачем вы мне об этом сказали?

— Чтобы не спал, снежный ты человек!— сказал Достанко.— Особенно теперь, когда нужно срочно искать тайник. Стоит тебе сказать Витковской, что ты не явишься на концерт, и она с тебя шкуру спустит.

— И вы спорили на меня?

— Ну, спорили. Человеком хотели сделать.

— Меня? Человеком?!— захохотал Шульгин.— Как сами?

— Ну хотя бы.

— Значит, вы лучше меня, да? А ведь я пошутил, ребята. И пистолет я туда нарочно подложил, его отец с работы принёс. Там у железнодорожного охранника он испортился. А батя когда-то работал на оружейном заводе. Вот охранник и дал ему починить.

Он тут же увидел, что они поверили. И уже негодуя смотрят на него, уже на шее Достанко появились красные пятна.

— Забирай свою писульку, деятель! За такие шуточки можно и схлопотать,— сказал он и пошёл к двери.— Идём, ребята. А на будущее знай, Серый, мы тебе не друзья.

Шульгин смотрел, как они друг за дружкой покидали квартиру. Только Поярков приостановился и внимательно взглянул на Шульгина.

— Стойте, парни! — громко сказал он.— По-моему, заврался Шульгин. По-моему, он теперь врёт...

— Идём! — повысил голос Достанко, дёрнул его за рукав и вытащил на лестницу. Дверь захлопнулась. Несколько секунд оттуда доносились возня и шум. И сразу стало тихо.

Шульгина охватила тревога. Нет, он больше никогда не пойдёт в ансамбль, хватит! И не о чем спрашивать Витковскую. Просто надо не замечать её, может быть, даже обходить стороной. И всё. И точка. Раздался телефонный звонок, Шульгин вздрогнул. Быстро вышел в прихожую и снял трубку.

— Серёженька, это я, Лариса!.. Ты не представляешь, что сейчас было! К нам на генеральную репетицию приходил руководитель ансамбля «Голос юности». Мы с Валеркой ему понравились. И он нас приглашает в свой ансамбль. А это знаешь какая высота! Это уже международный уровень!.. Через десять минут я буду у сквера. Так что жди меня!

«Всё, хватит. Сегодня с ней поговорю»,— решительно подумал Шульгин и вышел из дома.

Витковскую ждать не пришлось. Они пошли мимо размокшего от дождя садика и очутились на набережной.

— Я так люблю вечернюю Неву,— сказала Витковская.— У меня сегодня такой счастливый день! Мне кажется, ты этого не понимаешь.

— Не всё ли равно, где танцевать?

— Эх, Серёжа. Я и говорю, что ты не понимаешь. Тут при-

знание! Значит, я могу! А это очень важно, в любом деле очень важно! Без этого ничего не бывает. Только нужно работать и работать. И тогда всё получится.

Они свернули в тихую улицу недалеко от дома Витковской, и тут Шульгин сказал:

— В ансамбль я больше не пойду.

— А что случилось?

— Этот твой вечный партнёр Головка... Всё время кажется, что я отнимаю у вас время...

«Что я говорю?—думал он.— Я с ума сошёл, я же хотел совсем не это».

— Ты дурак,—сказала Витковская.— Дурак, дурак...

— Может быть,—сказал он и свернул в другую улицу.

— Серёжа, ты не прав... Поймай, Шульгин,—крикнула она.

Ему было стыдно, и он даже не оглянулся. Витковская сделала несколько шагов за ним. Остановилась. Потом побежала к своему дому. Она меньше всего понимала, что произошло,—она уже давно забыла о споре с Достанко.

Решение

Шульгин долго ходил по своей улице, но домой так и не зашёл. Вспомнил о сестре, о Вите, вскочил в троллейбус и поехал к ним. «Конечно же, они!

Только они! Как это я раньше о них не подумал? То есть, вряд ли Тонечка сможет — она ждёт ребенка, ей не до путешествий. Но Виктор — тот прирождённый искатель!»

Он взбежал по деревянной лестнице на второй этаж и постучал в дверь.

— Открыто! — крикнул Витя. — Ба, кто к нам прибыл! Входи, дорогой! Я сейчас кофе поставлю. Скоро и Тоня придёт... Занятия в школе кончились?

— Кончились. Завтра — консультация по математике.

— Отлично! И сразу — к нам. Отметим знаменательное событие — три года со дня нашего с Тонечкой знакомства.

— Вряд ли, — сказал Шульгин. — У меня теперь мало времени — экзамены на носу, и вообще некогда.

— Всё лежишь на диване и думаешь, как лучше спину почесать?

«О чём мы говорим, ведь я знаю, что делать, — подумал Шульгин. — Нужно ехать в лес, нужно немедленно ему рассказать!» И он рассказал Вите всё, что знал сам. Он думал, Витя загорится желанием поехать с ним. Но Шульгин ошибся.

— Нет, — сказал как-то очень легко Витя, будто речь шла о том, покупать эскимо или нет. — Меня такого рода имущество не интересует.

Шульгина это обидело. Он встал и пошёл к двери.

— Постой, Серёжа, — тихо произнёс Виктор. — Ведь это серьёзное дело, и тут надо при-

нимать какие-то срочные меры.

— Ну? — почти выкрикнул Шульгин.

— Тут недалеко от нас отделение милиции. Давай сходим, расскажем? По-моему, с такими людьми, как этот ваш Анатолий Дмитриевич, нужно поступать значительно проще.

— Нет, я думал об этом. Я же ему слово дал, что сам всё сделаю... Давай, Витёк, поедem? Я знаю, нужно с Витебского вокзала.

Виктор задумался.

— Знаешь что, — наконец сказал он, — чем больше я об этом думаю, тем яснее понимаю, насколько это опасное дело... Где, ты сказал, этот лес?

— Я не говорил. Скажу, когда отправимся.

— Гм... Не доверяешь? Давай подождём утра. Придёт Тоня, я должен ей объяснить, что уеду на несколько дней... Кстати, почему бы нам не рассказать твоему отцу?

Шульгин помотал головой.

— Он всю жизнь подозревал в нём бывшего уголовника. А если узнает, то и разговаривать не станет — сразу в милицию...

— Нет, Сергей, по-моему, ты всё страшно запутал. В общем, так. Утром я у вас. А ты расскажи отцу. Если сам не расскажешь, то придётся это сделать мне. Тут не до шуток. Я не могу видеть, как ты идёшь на такой риск.

— Он попросил меня, и я ему помогу.

— Ладно, утром я у вас. Часов в семь.

Шульгин ушёл. И поначалу успокоился. Но чем ближе подходил к дому, тем яснее чувствовал, что откладывать это дело нельзя. Он и так потерял слишком много времени. После ужина Шульгин отправился к себе и лёг на диван. В соседней комнате смеялись родители — отец рассказывал что-то весёлое. «Сейчас я позову его. Он разберётся, что делать. Мы с ним придумаем... Что придумаем? Пойдём в лес? Или всё-таки пойдём в милицию? Нет, не то, не то... Нет, отец и слушать меня не станет... В блокаду погибла его мать, моя бабушка Софья. И

его старший брат, дядя Саша, — на фронте. И сам он вырос в детдоме... Не будет, не будет он ему помогать...»

Перед рассветом Шульгин встал с дивана и оделся. Достал из ящика стола двадцатипятирублёвую бумажку — мама дала на пиджак к выпускному вечеру. Сунул в карман. Прислушался — в комнате родителей было тихо. Осторожно вышел в коридор, собрал рюкзак, надел соседову штормовку, взял фонарик и тихо вышел на лестницу. «Утром явится Виктор. Конечно, он расскажет отцу, о чём мы с ним говорили. Но я буду уже далеко. Вряд ли теперь кто-нибудь следит за мной, значит, в лес я приеду один...» Шульгин вышел на улицу — темно, накрапывал дождь. Людей не видно, лишь в узком переулке застыл зелёный огонёк такси.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Привязанный к дереву

Шульгин дёргался и рвался, пока боль не наполнила тело и голову тысячами раскалённых игл, а к горлу подступила тошнота. Чтобы ослабить боль, выпрямился, прижался к стволу. Руки немного сдвинул вниз, стало легче. Он охрип от крика и решил молча ждать рассвета, чтобы снова звать на помощь. Верил, что утром кто-нибудь обязательно услышит и спасёт.

«А эти гады уйдут... Как же не заметить было, что они следят?..» Шульгин поднял лицо кверху, к небу. И только теперь

почувствовал, что идёт дождь. Капли попали в глаза — он заморгал и опустил голову. Шульгин перебирал в памяти всех, кого встретил по дороге сюда, — три старухи с эмалированными вёдрами, парни в студенческих куртках с эмблемами и ещё какие-то люди, без особых примет. Коренастого и молчуна среди них не было.

«Да если бы я увидел каких-то подозрительных типов, разве это бы меня остановило? Но я бы догадался кому-нибудь сказать, что за мной следят. И тогда всё было бы просто... А что касается дороги в автобусе, то, кроме весёлого деда с петухом, и вспомнить некого. Такой художественный образ век не забудешь».

На коленях у деда сидел красный петух и задумчиво поглядывал в окно то левым, то правым глазом. Дед смеялся беззубым ртом и через голову петуха рассказывал байки о том, как его Петя побеждал всех деревенских дворняжек.

— Следующая остановка — «Загатье», — объявил шофёр.

Шульгин вздрогнул — ему нужно было выходить.

— Далеко тут до леса? — спросил он деда.

— Дак с километр. Выдь за село, а там — по левой руке — пряменько по дорозе... Турыст, небось, га?

— Турист, турист, — кивнул Шульгин, продвигаясь к выходу.

— Здалёку адкуль, ти близка де?

— Издалека, дедушка, из Ленинграда.

— Ой! — вскрикнул дед. — У мея ж там племянница! Болеет, бедная, так просила лекарство достать, прополис называется. А тут как раз в нашу аптеку привезли... Можя, зайдешь, милы чалавек, я бы ей с тобой и послав, га? Я ж во тут-ка, зусим близко... Сам збирався ехать, дык нашто тяпер?

— На обратном пути, дедушка, обязательно возьму, а то ещё в лесу потеряю. А теперь я бы вас попросил, не одолжите ли мне лопату? Впопыхах забыл, а в лесу она мне пригодится.

— А когда ж ты обратно?

— Думаю, завтра.

— Ну и добро, пойдём, я тебе дам хар-рошую лопату. С самой войны ховаю от племянников и внуков. Им она забава, а мне память, што всю войну сапёром был... А вось и хата моя, справа, под ясенем...

Автобус остановился. Дед привёл Шульгина к себе в дом. Из-за старой доски в сенцах достал коротенькую, удивительно чистую лопатку и протянул Шульгину.

— Так я чакать буду, придёшь?

— Обязательно, дедушка. А пока до свидания, дело у меня серьёзное, — махнул рукой Шульгин на прощанье деду и петуху.

...Теперь одежда намочла и липла к телу. Губы и подбородок дрожали. Затёкшие ноги отказывались стоять. Он почти висел на выкрученных руках. Дождь стихал, и лишь крупные одинокие капли, сбе-

гавшие с хвои, по-прежнему падали на голову и плечи. Он слышал их, слышал, как они позванивают, пробиваясь сквозь тяжёлые лапы сосны. И видел солнце над лесом, готовое упасть за деревья, и себя, расставляющего палатку... Как это было давно! И было ли? Может быть, он всю жизнь простоял, привязанный к дереву?..

Только на удачу

Дождь хлынул с новой силой. Шульгину казалось, что он стоит под водопадом. Намокшая кора стала скользкой. Ему удалось сдвинуть руки вниз и согнуть колени. Это принесло облегчение. За несколько часов, которые он простоял у дерева, вспомнил всю свою жизнь. Он ещё не мог толково разобраться в ней, охватить её целиком и лишь разглядывал отдельные куски, не связанные между собой ни местом, ни временем.

Он помнил себя не только в лесу, не только дома, но, казалось, тогда, когда его, Шульгина, ещё не было на свете... Он жил среди разных людей — родители, сестра, соседи, учителя, ребята по школе. И он не задумывался, не понимал, какое это счастье — быть среди них, встречаться с ними каждый день, просто смотреть на них, как они ходят, работают, думают, разговаривают молчат...

Но тут же, вблизи, затаились другие, он их не видел, и, пока не мешал им, они не обращали на него внимания. И вот пути их пересеклись... Как просто

они сделали своё дело — оставили его на смерть!

Глотая слёзы и капли дождя, он вспоминал, вспоминал, словно бы там, во вчерашнем дне, пытался найти хотя бы крохотную возможность для своего спасения. Утром он снова продирался сквозь кусты, обжигал руки о крапиву, спотыкался о пни и кочки. То слева, то справа иногда поднимались дубы. Но ни один не был похож на тот, к которому стремился Шульгин. В двух или трёх местах начинал копать. И вскоре убеждался, что опять бесполезно.

— Иди дальше, — говорил он себе, — и тогда...

Двое случайных

...И тут — будто мороз по коже. И сразу — в жар бросило: он увидел раскидистое дерево —

дуб. За дубом стояла сосна с обломанной верхушкой. «Вот они! И дуб и сосна... Да, но где-то здесь, он говорил, должен быть колодец. Даже если зарос, всё равно его можно отыскать». Он пошёл вокруг дуба и чуть в стороне увидел густой клок травы. Здесь она была темнее и выше. Подошёл ближе — трава росла по краю круглой ямы. Раздвинул её фонариком, посветил на глубокое дно — там лежали сгнившие сучья, а на истлевших листьях сидел чёрный жук.

И тут же чётко услышал, как кто-то сказал:

— Ты впереди шёл... Не найдём, считай, всё пропало.

Осторожно пошёл на звуки и вдруг из-за толстого дерева увидел двоих. Один — высокий, другой — маленький, коренастый. У коренастого в руке топор с чёрной ручкой, а высокий опирался на толстую берёзовую палку. Он стоял спиной, и поэтому лица его Шульгин не видел. Шульгин присел. Он не спускал глаз с незнакомцев. Те пристально смотрели по сторонам и тихонько переговаривались.

«Меня ищут... Точно меня. Кого они ещё могут искать, кто им нужен?..» Вдруг высокий повернулся лицом и стал пристально осматривать кусты. Шульгин узнал в нём мужчину, который заходил к Анатолию Дмитриевичу в палату. «Это он! — будто электрический разряд сверкнула мысль. — Это же те уголовники!.. А я приехал один...»

...Теперь, привязанный к дереву, под ливнем, он думал о том, что даже тогда, в ту минуту, был счастлив, потому что свободен. Тогда он и представить не мог, что его ждёт.

Т а й н и к

До самого вечера Шульгин пролежал под кустом. Поднялся, лишь когда стемнело. Теперь он знал, что всякую минуту здесь могли появиться его преследователи. Это поубавило храбрости. В сознании возникал вопрос: «Не уехать ли отсюда, пока не поздно?.. Нет, это трусость! Такое себе потом не прощают».

Шульгин взял лопату. Поднялся и осторожно пошёл к дереву. Копать в темноте было трудно и страшно. Стараясь не шуметь, он медленно срезал дёрн. Стал копать дальше. Углубившись, тут же услышал, как лопата звякнула о что-то твёрдое. Встал на колени и начал разгребать землю руками. Вот под пальцами оказался какой-то продолговатый предмет. Шульгин нащупал края и попытался его поднять. Не удалось — он был словно привинчен к чему-то ещё более тяжёлому. Тогда поддел лопатой и сдвинул с места, развернул брезент и при лунном свете увидел, как блеснула старинная бронза...

«Значит, Анатолий Дмитриевич говорил правду. Значит, и эти типы — тоже правда, и они здесь, рядом!» Он сунул в рюкзак находку, палатку, лопату и фонарик, с трудом поднял на

спину и двинулся по лесу. Он надеялся быстро выйти на опушку. Он долго шёл. Вспотел и устал. На рассвете остановился и оглянулся. Вокруг, вечные и неподвижные, стояли сосны и ели. Шульгин понял, что не знает, в какую сторону идти. «Ничего, теперь это мелочь. Главное сделано, а выйти отсюда — пара пустяков...»

Он шёл весь день. И вдруг!.. Откуда-то сбоку доносился еле слышный гул. Он остановился. Сначала было не понять, что это. Шульгин осторожно пошёл на звук, и — о радость! Он увидел широкую просеку, а на ней столбы электрической линии. «Играют, голубчики!» — шурился он, разглядывая провода. Он подбежал к столбу, обнял его и даже чмокнул в старую, потемневшую древесину. «Спасён», — грохотало в голове. Шульгин вприпрыжку, насколько ему позволял тяжёлый рюкзак, помчался по просеке. Над головой у него тихо и ясно гудели провода.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Крылатые людоеды

Шульгин снова попробовал освободиться. Но руки были скручены так жёстко — даже пальцами не пошевелить. Они опухли, каждое движение причиняло боль. Дождь внезапно кончился. Начиналось утро. С деревьев долго стекала вода. Проснулись невидимые птицы, и лес наполнился многоголосым гомоном. За верхушками деревьев вставало далёкое солнце.

— А-а,— закричал Шульгин.— Кто-нибудь спасите!..

Послышался тонкий звенящий звук — будто крохотной циркульной пилой пытались пилить толстое бревно. Шульгин вздрогнул. «Ох, сволочи, что они сделали! Прикончили бы сразу», — подумал он. Из-за спины вылетел комар. Покружился у правого уха и уселся на щеку. Он долго пристраивался и перебирал лапками. Наконец успокоился и запустил хоботок под кожу.

Резкая щемящая боль заставила Шульгина рвануться от дерева. Но это было напрасно. Только чаще забилося сердце. Он крутнул головой, чтобы согнать насекомое. Но комар не улетал. Тогда он попытался достать щекой плеча. Не удалось. Постепенно боль чувствовалась всё меньше и меньше. Тут же на лицо сели ещё два комара, потом ещё несколько, и вот они уже целой тучкой вьются у глаз. Шульгин закричал, хрипло, страшно, с плачущим надрывом.

Они появились вовремя

Лицо горело так, словно к нему поднесли пылающий факел. Кричать Шульгин больше не мог — обессилел. И вдруг... Что это? Откуда они здесь? Он увидел троих. Они услышали его крик и шли на помощь. Деда он узнал сразу — тот ехал с ним в автобусе и одолжил лопату. И теперь под мышкой он держал петуха. Вместе с ним к Шульгину подходили две девочки в газетных пилотках.

— Ох, братка, хто ж тебя так?— спросил дед, разглядев, что Шульгин привязан.— Анютка, возьми ветку и отгони комарьё.

— Деда, вожик побёг,— сказала другая девочка.

— Не до вожиков тяпер... Хто ж тебя так? Почему привязан?

— Спасибо вам, родные,— шептал Шульгин.— Спасибо...

— А я и то думаю: хлопец как хлопец, обещав племяннице лекарство доставить и не явился. Пойду, думаю себе, пошукаю... Ох, брыдоты весь

твар, объели — живого места нема,— сказал он и достал перочинный нож.

— Их нужно остановить,— простонал Шульгин.— Их двое и пистолет.

— Почекай, герой, в селе участковому расскажешь.

Дед передал петуха девочке и обрезал шнур. Шульгин упал на колени и ткнулся лицом в траву.

— Мне страшно, деда,— пропищала меньшая.

— Ничога, не бойся. Зараз он очухается. Давно стоишь?

— Со вчерашнего вечера,— сказал Шульгин и поднёс руки к лицу. Распухшие, красные, они не слушались и только дрожали.

— Спасибо вам,— сказал он и взял деда за руку.— Спасибо...

— Буде, буде, выпей вот молока,— предлагал дед и двигал высокий термос к Шульгину.— А я и то думаю: хлопец как хлопец, а тут нема...

П р и м е т ы

Дед бросил петуха в свой огород и привёл Шульгина к фельдшеру. Свою Анютку он послал за участковым, и вскоре за окнами раздался грохот мотоцикла. Маленькая женщина-фельдшер в это время смазывала Шульгина едкой жидкостью. От жидкости исходил резкий запах и так щипало кожу, что у Шульгина навернулись слёзы.

— Потерпи, паренёк, потерпи, хороший,— приговаривала

она и обмакивала новую палочку с ватой в жидкость.

Милиционер взбежал на крыльцо, быстро спросил:

— Приметы помнишь?

— Я это раницай в лес пайшов,— начал было дед, но милиционер его перебил:

— Постой, дед, потом расскажешь... Так помнишь?

— Да. В куртках брезентовых. Один высокий, другой поменьше, коренастый. И шрам под носом. Высокого я в Ленинграде видел,— говорил Шульгин, наблюдая, как в фельдшерско-акушерский пункт набивалось всё больше пацанов и девчонок.—Я бы их и через сто лет узнал.

— Выйти всем,— приказал милиционер.

Часть вышла. Остальные таращили любопытные глаза и шептались друг с другом.

— Один лысый, другой заросший бакенбардами,— диктовал приметы Шульгин, а милиционер быстро записывал.

— А тут чую, будто плачет кто...

— Я сказал — потом!— крикнул милиционер на деда.

— Дядя Рома,— обратилась к милиционеру девочка в синей короткой юбке и белой футболке с цифрой «7»,— мы с братом бачили их несколько дней тому. В жёлтых стёганках, один высоки, а други — низки. У низкого на щеках волосья, будто дороги. Они в машине были.

— В какой машине?— быстро спросил милиционер.

— Красная такая, легковушка.

— «Москвич»?

— Не, «Жигули»,— сказал пацан рядом с ней, наверное брат.

— А номер не запомнил?

— Не, я читать не умею, у школу только пойду.

— Спасибо, ребята,— сказал милиционер.— Это хорошо, что вы их видели... Вера Семёновна, паренёк пусть побудет у вас. Я свяжусь с городом и прискочу за ним. Накормите его, я мигом...

Милиционер прямо с крыльца прыгнул в седло мотоцикла и рванул по деревне.

Самое главное

Шульгин сидел за столом и ел хлеб. Рядом лежала колбаса, но он не притронулся к ней. В окно медленно вползало солнце, слепило глаза — он сдвинулся к шкафу с инструментами. У порога фельдшерско-акушерского пункта по-прежнему толпились деревенские дети. Двое или трое возились между собой и хихикали. Остальные молча смотрели на Шульгина.

«Как же, героя видят, не каждый день такое бывает... Зачем они здесь, почему не уходят?»— подумал Шульгин. И понял, что ему совсем не хочется, чтобы они ушли.

Вскоре из города прибыла поисковая группа. Всё это были милиционеры. К Шульгину подошёл руководитель группы — высокий седой человек. Все прибывшие с ним подчинялись каждому его приказанию и называли его «старший». Вслед за ним подбежал маленький лысый мужчина с маг-

нитофоном и приготовился записывать Шульгина.

Шульгин попробовал и сбился. Он не знал, с чего начать. Немного успокоившись, рассказал об Анатолии Дмитриевиче, а уж потом было всё просто.

— Хорошо, а что дальше? — спросил старший.

— Они привязали меня к дереву и ушли. И унесли бронзу.

Старший кивнул мужчине, чтобы он убрал магнитофон, и повернулся к Шульгину.

— Мы найдём их, — сказал

он. — Ты столько примет сообщил, что им теперь и под землей не спрятаться.

— А бронза? — быстро спросил Шульгин.

— И бронзу найдём. Раз она на нашей земле, она наша. Но всё могло быть иначе, если бы ты с самого начала продумал всё как следует. Если бы с самого начала понял, на что идёшь... Поедем в лес...

Сидя в машине, Шульгин недоумевал: «Зачем они едут сюда, что тут можно теперь искать? Неужели не понима-

ют, что те двое не останутся здесь?»

В лесу мужчина с магнитофоном недовольно сказал Шульгину:

— Эх, парень, наломал ты нам дров...

— Подождите, Михальчук,— остановил его старший. — Без него мы вообще бы ничего не знали ни о бронзе, ни об этих типчиках. Теперь знаем.

Шульгин прислонился к дереву. На лбу выступили крупные капли пота, ноги подкосились, и он сел на землю. К нему подошёл старший. Присел рядом и стал говорить:

— Завтра, Серёжа, самолётом отправишься домой. Когда найдём бандитов, вызовем тебя для опознания. А пока благодарю за мужество. Тебе не удалось довести дело до конца, но ты оказался готовым к трудным испытаниям, а это не так уж мало... У меня к тебе просьба: постарайся за это время, пока ты у нас, вспомнить, не забыл ли ты каких-нибудь деталей. Для нас это очень важно.

Шульгин задумался. Он лихорадочно перебирал в памяти всё, что произошло с ним здесь, в лесу, и там, дома. Опять перед глазами был Анатолий Дмитриевич; незнакомец, который вошёл в палату одетый. Но всё это он уже рассказал, даже на магнитофон записали... Автобус, дед с петухом, дорога...

— Я всё рассказал,— произнёс Шульгин и поднялся. Медленно пошёл к дороге, не

глядя под ноги, не замечая присутствующих здесь людей. И тут он услышал голоса. Шульгин остановился. За деревьями показался его старый знакомый — дед с петухом. А за ним — кто бы мог подумать? — «наполеоны» в полном составе, учительница математики Виктория Сергеевна, отец Шульгина и художник Витя.

Шульгин был совершенно не готов к этой встрече. Захотелось броситься в лес, чтобы никто не видел его разбитого, изъеденного комарами лица. Но он пересилил себя... Первым его обнял отец. Затем подошли «наполеоны», пожали руку и уступили место учительнице. Виктория Сергеевна пристально посмотрела на своего ученика и улыбнулась...

— Ну, жив, а это самое главное...

— Я-то жив,— ответил Шульгин. — А бронзу не спас...

— Бронзу найдут,— сказал отец. — А ему уже никто не поможет: Анатолий Дмитриевич в день твоего отъезда скончался от кровоизлияния в мозг...

На дорогу выходили члены поисковой группы. Останавливались рядом с Шульгиным. Тихо разговаривали, о чём-то спрашивали отца. Но Шульгин не слушал. Он думал о том, что никто на свете не сможет исправить твою жизнь, если ты сам прожил её не так, как надо.

Шульгин возвращался домой...

От редакции. Повесть публиковалась в журнальном варианте.

ПУШКИНСКИЙ ДОМ

Нет, Александр Сергеевич Пушкин не жил в этом доме и, скорее всего, ни разу не был в нём. Здание это было построено по проекту зодчего Лукини за четыре с половиной года до гибели великого поэта.

Этот старинный дом очень красив. Его венчает невысокая башенка с куполом, а фасад, выходящий на набережную Макарова (дом № 4), украшен восемью белоснежными колоннами. Место для его постройки было выбрано не случайно. В те давние времена здесь, у Стрелки Васильевского острова, находился Санкт-Петербургский порт. Иностранные парусники привозили изделия заморских мастеров, забирали товары, купленные в России. Местом встречи купцов была Биржа, построенная по проекту архитектора Тома де Томона. Открытие её состоялось в 1816 году. Это одно из красивейших зданий нашего города. Теперь здесь расположен Центральный военно-морской музей. Как известно, при торговле с заграницей товары облагаются пошлиной, своего рода налогом в пользу государства. Этим занимаются таможенники. Зодчий Лукини спроектировал здание таможни, и, конечно, возвели его рядом с Биржей, на Стрелке Васильевского острова. На таможне красовались три статуи античных божеств: Нептун — повелителя морей и океанов, Цереры — богини земледелия и плодородия и Меркурия — покровителя торговли. Но если бы архитектор Лукини знал, какая в грядущем уготована судьба его дому, то, несомненно, установил бы на нём статуи лучезарного Аполлона — покровителя искусств, строгой Клио — музы истории и Эвтерпы — музы поэзии. Ведь пройдут годы, и это здание станет Домом русской литературы.

В 1899 году исполнилось сто лет со дня рождения Александра Пушкина. Это была дорогая дата для всего русского народа. Издавались сочинения поэта и книги о нём, проводились праздничные вечера. Решено было также устроить Пушкинскую юбилейную выставку. Она должна была открыться в торжественно-праздничном конференц-зале Академии наук. Очень сложная задача выпала на долю организаторов выставки. Ведь не было тогда такого учреждения, где в одном месте было бы собрано всё, связанное с жизнью и творчеством Пушкина. После настойчивых хлопот и трудов были временно получены для выставки у многих частных лиц и учреждений 703 экспоната. И когда выставка открылась, на ней можно было увидеть 93 автографа (рукописей) самого Пушкина, 100 различных изданий его сочинений, 510 портретов поэта и окружавших его людей, многочис-

А.С. ПУШКИН

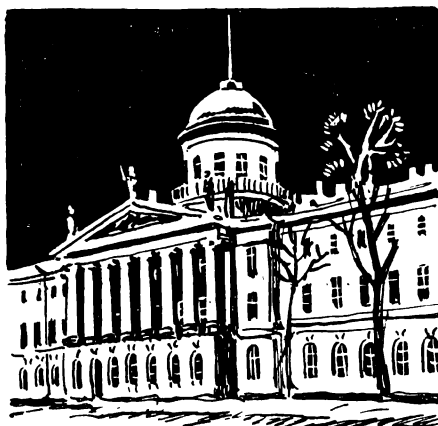
Л.Н. ТОЛСТОЙ

Н.В. ГОГОЛЬ

И.А. ГОНЧАРОВ

М.Е. СААТЫКОВ-ЩЕДРИН

Н.А. НЕКРАСОВ

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

И.С. ТУРГЕНЕВ

С.А. ЕСЕНИН

В.В. МАЯКОВСКИЙ

А.М. ГОРЬКИЙ

ленные иллюстрации к его произведениям, виды городов, сёл, отдельных зданий, где он бывал и где протекала его жизнь.

Юбилейная выставка прошла с большим успехом. Её посетили множество учёных, литераторов, передовых людей русского общества из разных городов России. Близился день закрытия выставки. Наступало время, когда надо было возвращать владельцам предоставленные ими экспонаты. И тут многие задумались: «Почему у нас нет единого хранилища всех пушкинских реликвий?» Шесть лет ушло на хлопоты, пока наконец Академия наук не приняла решение учредить Пушкинский дом, своеобразный памятник величайшему поэту России.

Пушкинский дом должен был заниматься собиранием всего, что относилось к гениальному поэту. В фонды Дома должны были войти рукописи и личные вещи Пушкина, воспоминания современников о нём, портреты и другие изображения, связанные с поэтом. Была поставлена и ещё одна, не менее важная задача: Пушкинский дом должен был также собирать материалы и о других замечательных художниках слова, прославивших русскую культуру на весь мир. Вот так и родился Пушкинский дом, ныне именуемый также Институтом русской литературы Академии наук СССР.

Сейчас это огромное учреждение, где работает много литературоведов, историков родной литературы. Одной из самых замечательных достопримечательностей Пушкинского дома является его Литературный музей. Тут есть чему подивиться. Множество портретов и зарисовок, старинных фотографий русских писателей, документы, книги, принадлежавшие им, вещи и многое другое. Помните, я называл количество экспонатов юбилейной Пушкинской выставки 1899 года? Их насчитывалось всего-навсего 703. А теперь один только музей хранит около 100 тысяч документов и предметов. Шли годы, музей расширялся, и количество экспонатов, связанных с жизнью и творчеством Пушкина, выросло настолько, что их пришлось выделить в специально организованный Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Этот замечательный музей находится неподалёку от Ленинграда, в городе, носящем имя поэта, где он учился в Лицее, где провёл свои детские и отроческие годы.

Литературный музей после этого расширил выставку своих сокровищ. Переходя из зала в зал, мы знакомимся с отделами, посвя-

щёнными жизни Лермонтова, Гоголя, Герцена, Тургенева, Достоевского, Толстого, Гончарова, Горького... Тут можно увидеть, например, не только прижизненные портреты Лермонтова, но и картины, написанные им. Ведь он был незаурядным художником.

Используя вещи, принадлежавшие Достоевскому, Гончарову, Блоку, и описания современников, работники музея воссоздали частично рабочие кабинеты этих писателей, напоминающие подлинные.

В Пушкинском доме находятся хранилища рукописей корифеев русской и советской литературы. Большой отряд научных работников исследует их, подготавливает публикации для всеобщего ознакомления. В строгом порядке расположены фонды литераторов — множество папок, содержащих бесценные документы. Изучая их, можно увидеть, как трудился писатель, как искал нужные слова. Можно понять, какие мысли и чувства волновали его сердце.

Помимо этих огромных рукописных сокровищ, в Пушкинском доме находится знаменитая «библиотека библиотек». Это legiony книг, некогда принадлежавших писателям. Некоторые библиотеки насчитывают тысячи томов. Тут книжные богатства, принадлежавшие Жуковскому, А. Н. Островскому, Майкову, Достоевскому, Гаршину и другим мастерам литературы.

Хотя многое, связанное с именем Пушкина, было передано во Всесоюзный музей, но самое ценное, самое дорогое продолжает храниться в Пушкинском доме. И это прежде всего рукописи поэта, его переписка, а также его библиотека. Среди многих других отделов Пушкинского дома есть уникальный — рукописный. Двери его всегда на запоре, и попасть сюда можно лишь с особого разрешения. Мне посчастливилось несколько раз побывать в этом заповедном месте. Навсегда остался в памяти день, когда я, сопровождаемый учёным секретарём рукописного отдела Марфой Ивановой Маловой, впервые переступил порог помещения, где хранится святая святых — рукописи Пушкина.

Наверное, вам случалось видеть где-либо тяжёлый металлический сейф, где за особыми секретными замками хранятся различные ценности или особо важные документы. Вот на такой сейф похоже снаружи хранилище пушкинского рукописного наследия: у него такая же массивная металлическая дверь. Большим ключом Марфа Ивановна открыла дверь, и мы вошли.

Относительно этого помещения ходит много легенд. Рассказывают, что в этой небольшой, надёжно защищённой и от пожара, и от злоумышленников комнате в старину хранились драгоценности, ввозимые и вывозимые из России. Её даже называли «золотой кладовой». Теперь здесь хранятся пушкинские рукописи, письма, другие документы, которым по сути дела нет цены, настолько дороги они нашему народу.

В большой «золотой кладовой» установлен особый режим. Пушкинское наследие принадлежит вечности, грядущим поколениям. Ничто не должно повредить их сохранности. Температура здесь дол-

жна быть строго определённой — не выше двадцати и не ниже четырнадцати градусов тепла. Влажность тоже поддерживается на постоянном уровне.

Марфа Ивановна открывает дверцы одного из ясеневых шкафов, стоящих у стен. На полках его в строжайшем порядке лежат весьма объёмистые папки. Учёный секретарь вынимает несколько папок и кладёт на круглый стол в центре помещения. Марфа Ивановна развязывает папку, и я вижу внутри ещё стопку картонных папок. Раскрыв картонную папку, она извлекает плотный конверт. Внутри него — одна из рукописей поэта.

На юбилейной выставке было показано лишь девяносто три автографа поэта. А теперь в этом заповедном хранилище собрано около 1800 автографов Пушкина. Три четверти века существует Пушкинский дом. И время от времени драгоценнейшая сокровищница пополняется новыми рукописями. Это всегда большой праздник для пушкиноведов и всех пушкинолюбов. Мне довелось быть свидетелем того, как одна из рукописей поэта после долгих странствований наконец попала в Пушкинский дом. История эта заслуживает особого рассказа.

В своё время я близко дружил с известным ленинградским букинистом Иваном Сергеевичем Наумовым. Он был замечательным знатоком старой книги. Через книжный магазин, где он был директором, через его руки прошло множество ценных, исключительно редких изданий прошлых веков, а в ряде случаев и рукописей. От Ивана Сергеевича они попадали в Публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеку Академии наук, в Пушкинский дом и другие книгохранилища.

Однажды на моём рабочем столе в редакции зазвонил телефон. Я услышал голос Ивана Сергеевича:

— Тут есть одна находка... Хотите полюбопытствовать?

— Конечно, хочу!

— Тогда приезжайте немедленно. Уверен, такого вы ещё ни разу не держали в руках.

Заинтригованный, я взял машину и уже через десять минут стоял перед почтенным букинистом. Иван Сергеевич встал из-за стола и пригласил меня сесть на его место. Сажусь и жду, какую же редкую книгу мне покажет сейчас Наумов. Он запирает дверь своего кабинета, подходит к сейфу и извлекает оттуда совсем не книгу, а большую пап-

ку. Развязываю тесёмки, и предо мной предстают плотные листы старинной бумаги, исписанные чьим-то очень знакомым почерком. Букинист сидит сбоку и молча наблюдает за мной. Чья это рука, кто писал? И вдруг замечаю на первой странице надпись, сделанную уже другой рукой и начинающуюся словами: «Дана мне Пушкиным...»

Значит, это рука поэта! И рукопись названа запиской «О народном воспитании». Обычно под запиской мы подразумеваем страничку-две считанных строк. А здесь предо мной не одна, а двадцать две большие страницы, и на последней характерный росчерк Пушкина, дата и место написания: «Михайловское, 1826, ноябрь 15».

Представляете, как я был взволнован? Наумов ушёл в магазин и, заперев меня, оставил один на один с пушкинской рукописью. Волнуюсь невероятно. Ведь я листаю страницы, по которым бежало перо поэта. Вычерки, поправки — сразу видно, как тщательно работал поэт над словом.

Вскоре вновь открылась дверь кабинета, и Иван Сергеевич вошёл, пропуская вперёд высокого, стройного, хотя уже немолодого человека. Это был широко известный учёный-пушкиновед, в то время заведовавший рукописным отделом Пушкинского дома, Николай Васильевич Измайлов. Поздоровавшись, он сразу же устремился к папке, лежавшей на столе. Воцарилось глубокое молчание. Слышен был лишь шелест листов. Наконец Измайлов оторвался от драгоценной находки.

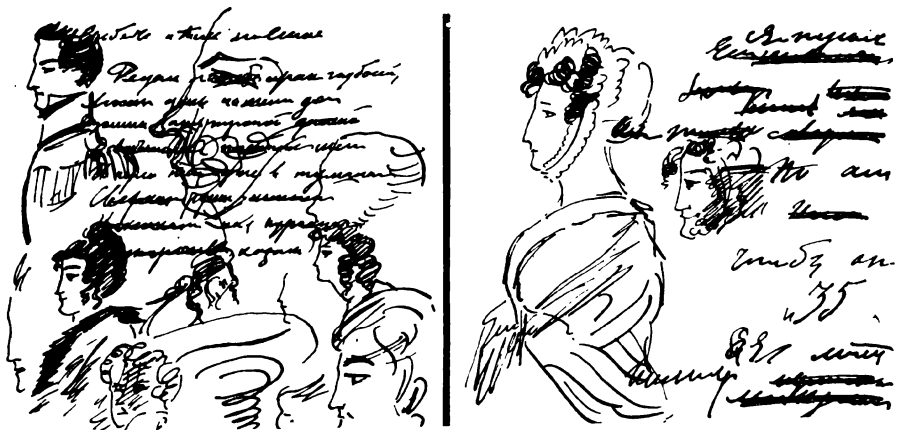
— Это по существу неоценимо, — сказал он, — А главное, как нужна эта рукопись не только для пополнения пушкинской сокровищницы, но и для выяснения многих обстоятельств и деталей одного из очень острых периодов в жизни поэта...

Измайлов — один из самых лучших знатоков богатейшего рукописного наследия Пушкина. И я прошу его рассказать об истории найденной записки «О народном воспитании».

— Вы обратите внимание на дату написания записки — 15 ноября 1826 года. Прошло одиннадцать месяцев после восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге. У всех в памяти жестокая расправа царя с восставшими первенцами свободы. Летом Николай I едет в Москву на коронацию в Кремле. Но Москва холодно встречает императора. Даже знать не выказывает должного почтения. Ведь среди казнённых и сосланных в Сибирь немало близких и родных высокопоставленных дворян. Царь чувствовал это и думал, как бы сгладить впечатление от расправы над декабристами. И придумал.

В селе Михайловском находился в ссылке Александр Пушкин. Хотя прямых доказательств участия Пушкина в восстании декабристов не было, но у многих из них при обыске находили его революционные сочинения. И всё же царь решил освободить Пушкина от ссылки и вызвать его в Москву. Тем самым он хотел показать, что

может быть не только суров, но и добр к провинившимся. В село Михайловское, в Псковскую губернию, мчится фельдъегерь с приказанием доставить Пушкина в Москву. И вот он перед царём. Николай I решил прощупать настроение Пушкина. Он спросил его:

— Что ты бы сделал, если бы в день восстания был в Петербурге?

— Я бы примкнул к мятежникам, — смело ответил поэт.

Конечно, не таких слов ждал император, но он сделал вид, что пропустил дерзость Пушкина мимо ушей: цели у царя были другие. Он решил приблизить к себе поэта и использовать его перо в своих интересах. Беседа закончилась тем, что Николай I поручил Пушкину написать записку «О народном воспитании». Поэт взялся за этот нелёгкий труд, ведь взгляды его сильно отличались от царских. Записка была написана. В те времена не было пишущих машинок и, конечно, машинисток. Вместо них работали каллиграфы, люди, обладавшие красивым и чётким почерком. Царю, конечно, представили так называемый беловой экземпляр записки. Николаю I она не понравилась, и во время его царствования она так и не увидела света.

Беловой вариант записки был уже известен. А черновой, собственноручно написанный Пушкиным, за полтора года лет побывал у нескольких владельцев, пока через Наумова не попал в Пушкинский дом. Чем же особенно важна черновая рукопись Пушкина? Если сравнить её с беловой, можно видеть, как отыскивал он слова, выражения, которые бы не разозлили Николая I. Но, верный своим убеждениям, Пушкин не отступил от них. В результате царь лишний раз убедился, что союзника в лице Пушкина ему не удалось найти.

...Я рассказал историю всего лишь одной рукописи. А ведь каждая из них имеет свою историю.

...Марфа Ивановна извлекает одну из рабочих тетрадей Пушкина. Она довольно большого размера и совсем не похожа на тетради, которыми пользуетесь сегодня вы. В этой пушкинской тетради первые наброски его поэмы «Цыганы». И вспоминается молдавское село Долна, ныне Пушкино, где поэт встретился с цыганским табором. Впечатления от этих времён остались у Пушкина на всю жизнь... И вот они в строках «Цыган».

Попадёт вам в руки какой-нибудь пушкинский том, в котором помещены репродукции стихотворений, написанных рукой поэта. Вни-

мательно взгляните в его почерк. Отчётливый, наклонный, торопливо рвущийся вперёд, вперёд... Перо поэта буквально мчится по бумаге, старается не отстать, поспеть за молниеносным полётом мысли, за рождающейся поэтической строкой.

Гостеприимная Марфа Ивановна раскрывает ещё одну рабочую тетрадь стихотворца. На этих страницах не только поэтические строчки. Поэт был замечательным рисовальщиком. И вот, то на уголке страницы, то сбоку, то между строчек перо поэта набрасывает силуэты его близких и знакомых. Тут и автопортреты, и картинки кочующего цыганского табора, и лица сослуживцев по Кишинёву и Одессе. Рисунки Пушкина — это большое богатство. Недаром им посвящают отдельные исследования.

И, наконец, ещё одна тетрадь. На её страницах написанный за два утра «Граф Нулин». И дата: «13 — 14 декабря 1825 года». 14 декабря! Ведь в этот день произошло в столице восстание декабристов. Пушкин не знал о том, какая трагедия происходит на площади у берега Невы. И, быть может, если бы он находился в столице, то не было бы у нас «Графа Нулина». И возможно, что и Пушкина доставили бы во дворец на допрос к царю, как подозреваемого в заговоре против Николая I.

Те, кто побывал в доме на Мойке, на последней квартире Пушкина, где перестало биться его сердце, вероятно, запомнили комнату с книгами его библиотеки. Но это лишь дубликаты книг, принадлежавших Пушкину. Подлинная же библиотека поэта также находится в Пушкинском доме. И хранится она тоже в рукописном отделе. Почему? Спрашиваю об этом учёного секретаря. В ответ она протягивает руку к полке и наугад достаёт один из томов. Наугад же раскрывает его. На полях книги она показывает мне пометки, сделанные рукой Пушкина. Множество их рассыпано на страницах других книг. Библиотека Пушкина солидная. Она насчитывает более трёх с половиной тысяч томов. И каждый из них держал в своих руках поэт, читал, и как читал! То восторгаясь содержанием книги, то негодуя и язвительно критикуя. И тут же делал пометки на полях. А пометки — это рука Пушкина. Они-то и сделали библиотеку достоянием рукописного отдела.

Заканчивается моё необыкновенное путешествие. Очень немногим удаётся побывать здесь, за массивной дверью сокровищницы. А на руки пушкинские рукописи за редким исключением никому не выдаются. Даже научным работникам, исследующим творчество поэта, предоставляются репродукции. Все рукописи Пушкина пересняты, и для работы используются фотокопии.

Да, не предполагал архитектор Лукини, какая будущность ожидает здание, возведённое им близ Стрелки Васильевского острова. И если бы предвидел, то вместо Нептуна с трезубцем, несомненно, установил бы изваяние Аполлона с лирой. Ведь это подлинный дом одного из великих искусств — литературы.

В ИЮНЕ в нашем городе проходила Декада казахской литературы. Давняя дружба связывает Ленинград с Казахстаном. В годы первых пятилеток ленинградцы помогали молодой республике строить заводы, фабрики, посылали ей станки и тракторы.

В годы войны на многих домах осаждённого Ленинграда были расклеены листовки со стихами народного поэта Казахстана Джамбула — «Ленинградцы, дети мои!..» В блокированный город шли эшелоны с подарками из Алма-Аты, Семипалатинска, Чимкента, Караганды. Многие сыны и дочери Казахстана сражались у стен Ленинграда.

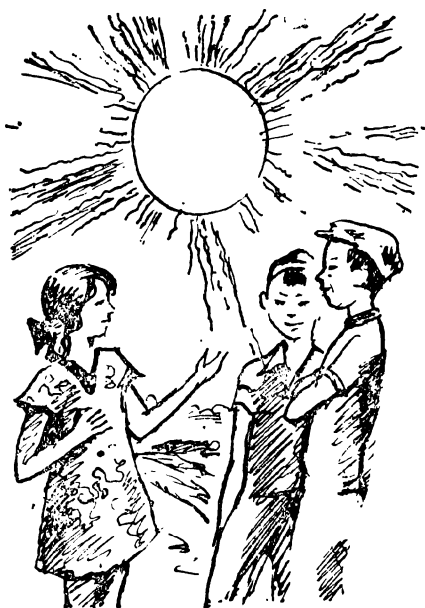
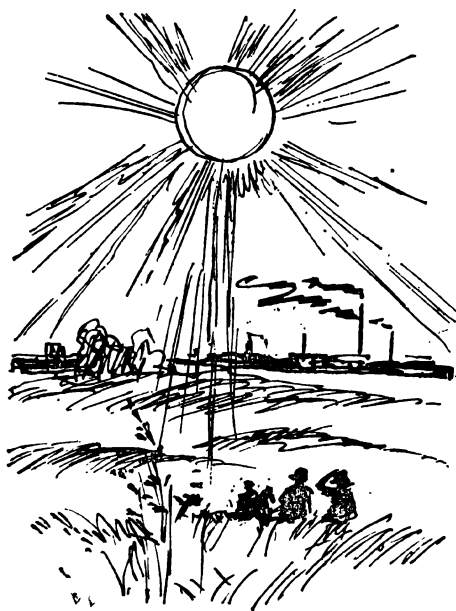
Один из наших гостей, Музафар Алимбаев, казахский поэт, редактор детского журнала «Балдарган». С его стихами мы и предлагаем вам познакомиться.

Музафар АЛИМБАЕВ

На что похоже солнце?

— На что похоже солнце? —
Спросил Баламер друзей. —
На что похоже солнце,
Скажите мне поскорей!
Ответил Асан убеждённо:
— Солнце слепит не зря.
Солнце — это корона
Сказочного царя!
Сказала тихо Наташка,
Подумав минуты две:
— Солнце — это ромашка
На голубой траве...
— Ни золота, ни лазури я
Не вижу, — сказал Олжас. —
Солнце — это глазунья.
Обедать не звали нас?..

Перевёл А. КРЕСТИНСКИЙ

Д в о е

К одному один прибавь, дружок, —
И получишь чудо. Да какое!
Одиноким стал не одинок:
Подружились на планете двое.
Размахни в объятье две руки —
Друг пришёл делить твои заботы.
Два крыла, проворны и легки,
Покоряют синие высоты.
Вот стоят два круглых колеса.
Стоит только им объединиться —
И опять готовы чудеса:
Полетят — мелькают только спицы!
Ты один прибавил к одному —
Друг хороший рядом встал
с тобою.

Двое вас теперь, и потому
Каждый стал сильнее тоже вдвое.

Перевёл В. СУСЛОВ

Память

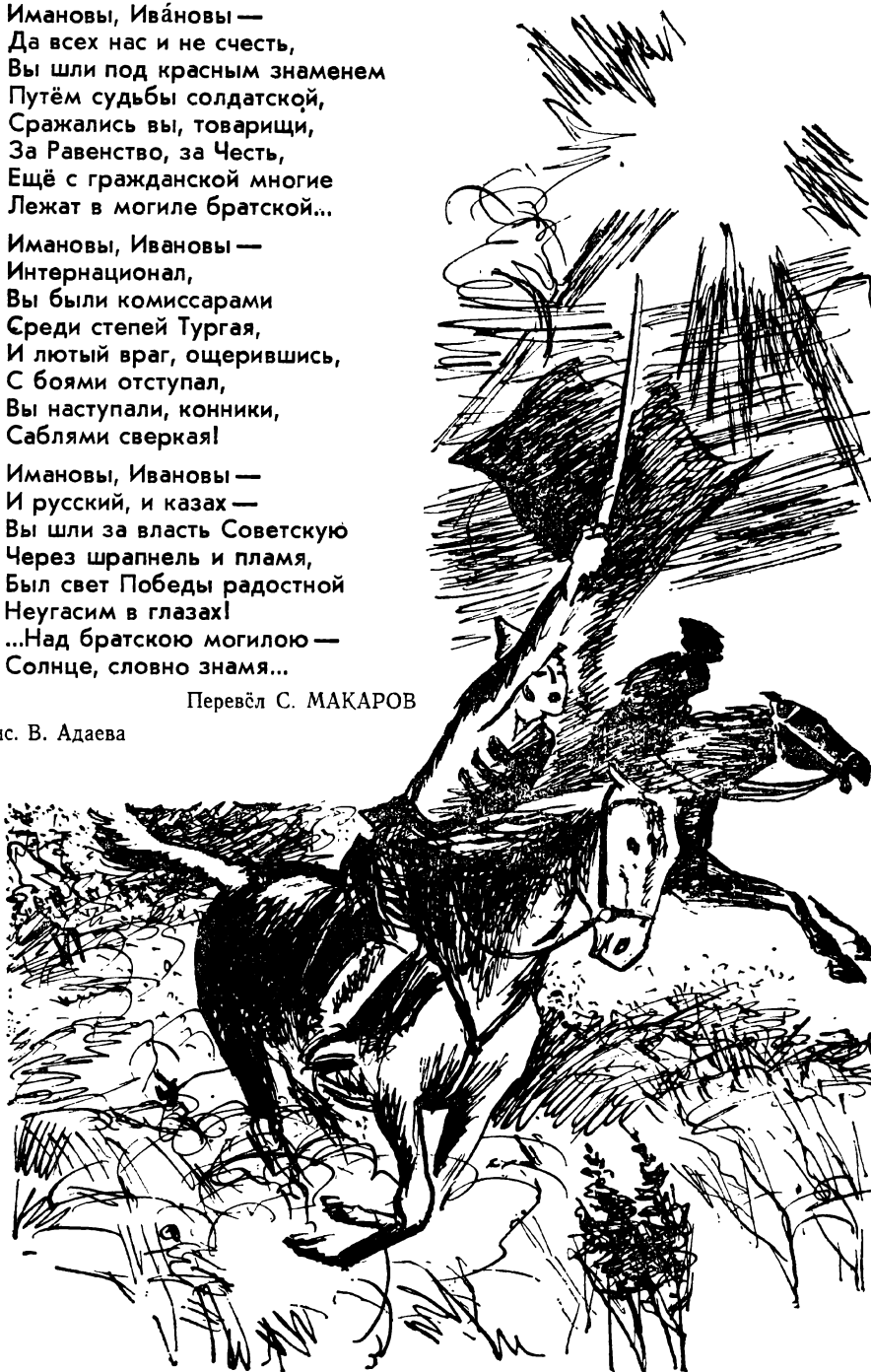
Имановы, Ива́новы —
Да всех нас и не счесть,
Вы шли под красным знаменем
Путём судьбы солдатской,
Сражались вы, товарищи,
За Равенство, за Честь,
Ещё с гражданской многие
Лежат в могиле братской...

Имановы, Ивановы —
Интернационал,
Вы были комиссарами
Среди степей Тургая,
И лютый враг, ощерившись,
С боями отступал,
Вы наступали, конники,
Саблями сверкая!

Имановы, Ивановы —
И русский, и казах —
Вы шли за власть Советскую
Через шрапнель и пламя,
Был свет Победы радостной
Неугасим в глазах!
...Над братскою могилою —
Солнце, словно зная...

Перевёл С. МАКАРОВ

Рис. В. Адаева

ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ

ОН ПРИЕХАЛ в Петроград весной 1917 года.

Черноволосый, худощавый молодой человек двадцати шести лет, он близоруко щурился, если снимал очки.

Петроградским большевикам почти ничего не говорила его фамилия — Володарский.

Лишь некоторые вспоминали, что лет восемь назад он занимался революционной пропагандой среди крестьян. Потом был в тюрьме, в ссылке. И совсем немногие знали, что последние годы он жил в Америке, издавал русскую социалистическую газету.

Агитаторов не хватало, и его решили испытать — пусть выступит на Путиловском заводе.

В то время в пушечной мастерской Путиловского завода митинги

устроивались почти каждый день. Большевистских ораторов в мастерской было мало, выступали в основном меньшевики и эсеры. Они говорили красиво, подолгу. Иногда митинги продолжались с утра и до вечера. Слушатели менялись, ораторы тоже менялись, но речи их были похожи. И меньшевики, и эсеры призывали рабочих исполнять решения Временного правительства.

Среди меньшевистских ораторов особенно был известен Дан — пухлый розовощёкий человек, он любил покрасоваться на трибуне. Выступая, он наслаждался своим звучным голосом, изящными взмахами руки.

Володарский пришёл в мастерскую утром к началу очередного митинга. Его тут никто не знал, председателю он сказал, что выступит в конце, после меньшевистских ораторов.

Он замешался в толпе рабочих и стал внимательно слушать выступающих. Меньшевики поднимались на трибуну один за другим. Выступил и Дан. Ему дружно аплодировали, и сосед Володарского сказал:

— Вот говорит, ну прямо артист!

Потом председатель объявил:

— Просит слова товарищ Володарский, вернувшийся из Америки эмигрант.

Слушатели недовольно задвигались.

— Хватит сегодня! Намитинговались уже!

Кто-то, развеселясь, крикнул:

— Пусть он про американскую жизнь расскажет, как украсть миллион!

Володарский спокойно прошёл к трибуне. Пальто он нёс на руке, теперь он положил его на перила и терпеливо стал дожидаться тишины. Потом повернулся к меньшевикам и удивлённо спросил:

— Почему вы не хотите сказать рабочим всю правду? Объясните нам здесь, почему вы изо всех сил поддерживаете Временное прави-

тельство, состоящее из капиталистов и богатых помещиков?

Володарский посмотрел на притихших слушателей и твёрдо сказал:

— История подтверждает всегда: те, кто с капиталистами, — предадут интересы рабочих!

— Да это же большевик! — Меншевики суетливо задвигались. — Не слушайте его, он против завоеваний революции!

— Сейчас мы в этом и разберёмся, кто из нас против революции, — уверенно пообещал Володарский. — За этим я сюда и пришёл... А начнём мы с революции 1905 года. Кто её тогда срывал? Да вы же и срывали! — Володарский указал рукой прямо на выступавших недавно меньшевистских ораторов.

— Ну знаете, кто старое помянет, тому глаз вон! — выкрикнули они растерянно.

— А кто старое забудет, тому оба глаза вон! — тут же ответил Володарский.

Слушатели засмеялись.

— Правильно, товарищ! — крикнули из толпы. — Поддай ещё! Разнежились тут, артисты.

СКОРО ВОЛОДАРСКИЙ стал любимым оратором из большевиков.

Он и сам недоумевал, как же это случилось. Второй лишь месяц в России, а его уже знают, приходят делегаты в Петроградский комитет и требуют:

— Нам пятьдесят винтовок и три выступления товарища Володарского о текущем моменте.

И он выступал с утра до вечера. Спорил с противниками на заводах, в казармах, на палубах кораблей и в цирке «Модерн». Митинговали всюду. Иностранцы корреспонденты растерянно сообщали, что России грозит хаос, потому что вся страна превратилась в один беспорядочный, бесконечный митинг. Люди, которым столько лет подряд царские порядки зажимали рот, теперь хотели выговориться до конца. Им не хватало дня, они ми-

тинговали ночью, под тусклыми фонарями.

Работа пропагандиста считалась в то лето, пожалуй, самой важной. Между партиями шла борьба за людей, за всё население России.

Володарский побеждал на каждом митинге. Там, где он был, собрание принимало большевистскую резолюцию, голосовало за ленинские лозунги.

АНАСТАСИЯ ЖИЛА в большой квартире на Литейном проспекте. Ей было под пятьдесят, из них она лет сорок прислуживала на кухне. Тощей слабосильной девочкой была на побегушках, а когда выросла, нанималась в кухарки.

У последней барыни она прожила десять лет. Это барыня звала её полным именем — Анастасия. Самой же кухарке больше нравилось, когда её звали просто Настей.

Барыня знала языки, по вечерам обычно играла гостям на фортепьяно. Но в это лето барыне было не до музыки. Она вела с гостями политические беседы.

Каждый вечер гости все вместе ругали большевиков, которые только и знают что сеять в стране смуту да мечтают распродать Россию по частям германцам. Часто вспоминали гости главного большевика — Ленина. Барыня так и говорила:

— Будь моя воля, я бы этого Ленина лично повела на эшафот.

На митинг в цирк «Модерн» Анастасия попала случайно. Подруги привели, такие же, как и она, кухарки у соседних господ.

— Пойдём, Настёнка, послушаем, чего они там обсуждают. Говорят, кухарки со всего города собираются.

И точно — столько женщин, молодых и немощных, замотанных в платки, Настя раньше даже в церкви не видывала. Одни сидели на жёстких лавках, другие, кому не хватило мест, стояли.

И тут начал выступать большевик.

Прямо так и объявили: от партии большевиков выступает товарищ Володарский. «Уж влетит мне от барыни, если узнают, что я большевика слушала!» — подумала про себя Настя.

Она ожидала, что этот большевик Володарский примется немедленно уговаривать их распродать Россию, тут его Настя и поймаёт.

Но он вышел — молодой, высокий, громкоголосый — и давай разговаривать об их же кухарочьей жизни. Чудно это получалось, всё им в подробностях рассказал, будто сам когда служил кухаркой. Анастасия даже улыбнулась, когда представила его у плиты.

А потом так же просто Володарский стал рассказывать про жизнь, которую хотят установить большевики. Жизнь, по его словам, получалась очень хорошая. Господ не будет, а все станут трудящимися. И все вместе страной начнут управлять.

Тут какая-то женщина не выдержала и крикнула из зала:

— Кухарки, они тоже страной будут управлять?

— А как же, — подтвердил Володарский. — Тоже вместе со всем трудовым народом. Товарищ Ленин так и говорит: «И кухарку научим управлять государством».

«Соберутся вечером господа, а я им всё, что он рассказывал, и выложу, — подумала Анастасия. — Совсем замудрились, ругают большевиков ни за что. А большевики-то, оказывается, вон какие...»

Но тут она представила, как говорит гостям барыни слова Ленина об управлении государством. Как сначала все господа умолкают, словно даются чаем, а потом принимаются хохотать, тыча в неё пальцами.

«Врут мои господа, всё они врут про большевиков!» — подумала про себя Настя. А может быть, и вслух проговорила, потому что оглянулись на неё соседки с удивлением.

Потом, когда собрание кончилось и все стали выходить, она случайно оказалась рядом с Володарским.

И тут уж ей захотелось получше его разглядеть. Такой молодой, но уже седые волосы есть, видать, тоже пострадал за народное дело. А рассуждает умно, как старик.

Володарский тоже посмотрел на неё, и тогда она, решилась, спросила:

— Товарищ Володарский, а вот мои господа говорят, что большевики хотят продать Россию по частям германцам. Они говорят — Россия должна быть единая и неделимая.

К их разговору сразу стали прислушиваться другие работницы-кухарки.

— Единая и неделимая, так вы сказали? Интересно... А живёте вы в господской квартире?

— В господской.

— Много у вас лично комнат?

— Ой, что вы! Мне господа каморку выделили, возле кухни. Без окна, но тёплая.

— Правильно. Такую и Россию они хотят видеть, как свою квартиру. Им — гостиная, спальни, а вам — тёмная тесная каморка. Хороша единая и неделимая...

Володарский грустно улыбнулся, а Настя хотела ещё сказать, чтоб он поберёг себя и Ленину то же передал: очень уж зlobствуют господа. Но её уже оттеснили другие женщины, каждая спешила задать свои вопросы.

В ПЕТРОГРАДСКОМ комитете большевиков была специальная книга, в которой регистрировали выступления ораторов. О выступлениях Володарского чаще всего там были такие записи: «замечательное выступление», «выдающееся выступление» и даже «оратора вынесли на руках».

НАСТАЛО ВРЕМЯ Великой Октябрьской социалистической революции.

26 октября, когда Временное правительство было уже низложено, а Зимний дворец взят, потребовалось «раскачать» Егерский полк. На Петроград шли войска Керенского — Краснова. Пролетарскую

революцию, которой исполнилось всего лишь сутки, надо было немедленно защищать. Солдаты Егерского полка сидели в казармах, не вмешиваясь в события.

Володарский приехал в полк ночью. Его встретил заспанный дежурный. Володарский предъявил мандат.

— Все спят, товарищ, приезжайте завтра, — сказал дежурный, позывая.

— Разбудить и собрать членов полкового комитета и ротных представителей, — потребовал Володарский. — Дело срочное.

— Да какое там срочное! — Дежурный нехотя подчинился. Вдохнув, он послал людей в казарму. — Только предупреждаю, не отвечаю я за вашу жизнь. Наслушались наши солдатики говорунов. Можете и по шее схлопотать...

Минут через десять солдаты стали собираться. Многие прихватили с собой, на всякий случай, винтовки. В те дни люди опасались оставаться без оружия. Недоспавшие солдаты хмурились и ворчали:

— Ну чего там ещё у тебя случилось? Выкладывай, да пойдём назад досыпать.

— Сидит, молчит, ждёт, чтоб все собрались, серьёзный, — переговаривались они. — А может, хочет на фронт послать? Пусть сам туда и идёт. Ишь, хитрый какой! С нас хватит, навоевались.

Их набралось человек пятьдесят — бывших крестьян и рабочих. От них сейчас зависело, поднимется ли полк на защиту революции.

Володарский понял — здесь не требуются длинные речи.

Он вынул лист бумаги, прихваченный из Смольного, и прочитал первые декреты Советской власти. Декрет о мире. Декрет о земле.

— Круто повернули, — зашевелились солдаты. — Стало быть, земля теперь наша. Правильно сделал товарищ, что сразу к нам.

— А не врёт ли? Уж больно трудно верится, чтоб всю землю сразу нам и без выкупа.

— А у него мандат из Смольного, дежурный проверил.

Володарский поднял руку. Мгновенно стало тихо.

— Да, земля и мир в ваших руках. Но враги Советской власти не спят. Они двигаются на Петроград, чтобы вновь отнять у нас хлеб и волю. Конечно, ваш Егерский полк знаменитый, и вы имеете право спокойно спать в казармах, да только что вы скажете проснувшись, когда узнаете, что враги отняли у вас всё.

— Это как же получается! — сказал тот самый солдат, который не хотел идти на фронт. — Не успели землю взять, а уже сразу и отдавай. Не получится у господ это дело, не отдадим мы. Дежурный, поднимай полк по тревоге!

Ротные представители быстро разошлись по казармам.

А через два часа в предрассветной темноте полк в полном вооружении вышел на защиту революции.

В ЯРКИЙ апрельский день шёл Володарский по Невскому.

Не так давно он создал новую большевистскую газету для Петрограда. Она называлась «Красная газета». Создать новую газету не так-то просто, особенно в несколько дней. «Справится ли?» — переживали за Володарского некоторые его друзья. Ведь для этого надо знать печатное производство, и бумагу суметь достать, и типографию поставить, и найти людей надёжных, знающих толк в газетной работе.

Володарский приостановился около газетных лотков. Здесь стояла небольшая очередь. Он стал наблюдать, как рабочие подходят один за другим, берут его «Красную газету» и тут же, немедленно, принимают её читать.

— Володарский? — внезапно окликнул его какой-то господин.

— Посмотрите, как они читают! — Володарский радостно кивнул на рабочих.

— И вы ещё улыбаетесь! — Господин приблизился почти вплотную. — Учтите, мы не забыли ваши выступления, мы не забыли, как вы закрыли газеты нашей партии!

Володарский не знал, что эсеры тогда уже замыслили его убийство. Его невозможно было победить, всюду побеждал он.

Его можно было только убить.

20 ИЮНЯ 1918 года с утра пахло грозой.

Весь день на жаркое солнце наступали тяжёлые, угрюмые тучи,

иногда над Петроградом грохотал гром, но дождь так и не собрался.

Последние дни были особенно напряжёнными: Володарский мчался на автомобиле с завода на завод, с выступления на выступление, и давно уже не было у него отдыха. Часа четыре спокойного сна не помешали бы...

А по улицам Петрограда с револьвером в кармане шёл убийца — болезненного вида человек, переодетый под рабочего.

Рис. Ю. Шабанова

Юлиу КЫРКЕЛАН

Мой олень

*Старая акация
Смотрит мне в окно.
Старая акация
Высохла давно.
Сторожит тропинку
У моих дверей,
А над ней ночами
Свищет соловей.
Многие хотели бы
Старую срубить.
Говорили: «Яблоню
Лучше посадить!»
Но стоит, волшебная,
Глядя на луну,
Привязав тропинку
К моему окну.
Ветви к звёздам тянутся,
Шевелится тень —
Словно поднял небо
На рогах олень.*

Перевёл с молдавского М. ЯСНОВ

Рис. Г. Монсеевой

НАБЕГ НА ТУТОВНИК

Как только кончились занятия в школе, родители послали меня с братом в деревню, к нашим бабушкам — нани Соне и нани Мец-Майрик.

Во дворе у бабушки Соны росли тутовые деревья, не очень высокие, но с густой листвой, сплошь усеянные ягодами, крупными и сочными, желтовато-кремового цвета. Пока поспевали ягоды, нани Сола старалась не уходить со двора, бдительно следила за садом. Из тутовых ягод она варила густой, тягучий, как мед, сироп, называемый бекмез, — очень сладкий и даже обладающий целебными свойствами.

Однажды прибежал Грантик и, с трудом переведя дух, выпалил:

— Скорей — нани Сола ушла на мельницу!

— Эй, куда вы? — закричала нам вслед нани Мец-Майрик. — Пойдите, я вам сделаю яичницу-глазунью!

Но мы уже выскочили за калитку. По дороге мы с Грантиком встретили Тутуша, нашего деревенского приятеля — вечно босого, худого мальчишку с большими, торчащими на круглой голове ушами.

Тутуш без разговоров пошел с нами. Тутовник растёт в Дзорагете почти в каждом дворе, но разве неизвестно, что плоды, сорванные с чужих деревьев, во сто крат соблазнительнее, чем собственные?

Деревья не трясли уже две недели, и налившиеся, сладкие ягоды при одном только прикосновении посыпались на землю. Их было очень много, не надо было подниматься на верхние ветки. Сладкий, липкий сок стекал

по рукам и подбородку. Мы так увлеклись, что забыли про грозную нани Сону.

Она появилась во дворе совсем неожиданно. Первым её увидел Грантик.

— Нани идёт — прыгайте! — вполголоса крикнул он.

Но было уже поздно: она нас заметила. С громкими проклятиями, развевая полы зелёного архалука, она бросилась на веранду, схватила самую длинную палку и стала крутить ею в ветвях, точно кочергой в печи, стараясь достать наши ноги. Тутуш завыл от боли — удар пришёлся бедняге по пяткам.

— Вай, для вас берегла я тут? Ва-ай, чтобы змея вас укусила в живот! Чтобы уши у вас отсохли! Чтобы в землю вы провалились! Чтобы!..

В мгновение ока мы оказались на самых верхних ветвях, готовых каждую минуту переломиться под тяжестью наших тел. Подобрав под себя ноги, мы в страхе смотрели вниз. От наших судорожных движений с деревьев, словно град с небес, посыпались ягоды, что ещё больше разозлило бабушку.

— Слезайте сейчас же, негодные мальчишки! Ва-ай, чтобы над вами обрушился кров! Чтобы кусок у вас застрял в горле, слезайте сейчас же!

— Уйди в дом, тогда мы слезем, — робко подал я голос.

— Ва-ай, чтобы мне посыпать ваши головы пеплом! Слезайте!

— Иди в дом — слезем...

— Ва-ай, чтобы вы превратились в камни! Чтобы зашить мне ваши рты, обжоры проклятые! Чтобы вам никогда не вырасти! Чтобы дзорагетские собаки вас разорвали на части! Чтобы вам превратиться в ишаков и выросли бы у вас длинные ослиные уши и хвост!.. — без передыху сыпала она проклятия на наши головы. И неизвестно, какими ещё новыми словосочетаниями обогатила бы она армянский язык, если бы престарелый дедушка Аваг не вышел на её крики:

— Ахчи¹, Сона, что случилось? Разошлась так, что голос твой слышен, наверное, в Верхнем селении.

— Чему бы ещё случиться? — сердито ответила нани. — Стоило мне уйти из дому на пару часов, как эти вскормленные собачьим молоком мальчишки тут как тут. Из чего мне теперь варить бекмез, а?

— Э-э, Сона, брось ты кричать на них, — добродушно сказал Аваг, старыми, негнувшимися пальцами перебирая чёрные чётки. — Дети есть дети. Пусть их... А туту ещё во-он сколько на деревьях, хватит и на бекмез. Ты вот что, лучше зайди-ка в дом и вынеси мне ваше большое сито, — продолжал он, прищурился глаза и лукаво поглядывая на нас, притаившихся в ветвях. — Наше-то совсем продырявилось, а старуха затеяла сегодня печь хлеб.

— Хорошо, Аваг, сейчас вынесу тебе сито, — ответила ему нани. — Ты говоришь — дети есть дети. Разве это дети? Разбойники они, а не дети! Вай, чтобы ягоды застряли у вас в горле! — крикнула она ещё раз в нашу сторону, погрозила кулаком и пошла в дом за ситом.

— Ну, живо, собачьи щенки, слезайте с дерева! — негромко крикнул нам дедушка Аваг.

С колотящимся от страха сердцем мы быстро соскользнули с дерева и хотели было дать стрекача, но дед остановил нас:

— Куда? Обождите!

Мы остановились у калитки, которая соединяла оба двора. Бедняга Тутуш, нагнувшись, потирал босую ногу, по которой палкой прошлась нани.

¹ Обращение к женщине, девушке (арм.).

— Если вы так боитесь нани, почему же без спроса полезли на деревья, а?

— А нани всё равно не разрешила бы... — сказал Грантик.

— А вы пробовали?

— Нет...

— То-то ж, что нет.

Но тут вышла во двор с ситом в руке нани. Мы так и приросли к земле от страха.

— А-а-а, попались, негодники! Сейчас вы у меня узнаете, как...

— Нани, нани! — закричал Грантик и... поднял руки вверх, ну точно-точно как в кино. — Нани, разреши нам...

Мы с Тутушем машинально тоже подняли руки вверх, понимаете, уж очень мы растерялись.

— Чего-чего? — нани быстро-быстро заморгала.

— Разреши нам поесть ягод, нани, — смиренно попросили мы.

— Ах, они ещё просят разрешения, негодники! — закричала она в запальчивости. Но потом, будто смысл наших слов только что дошёл до неё: — Значит, они просят разрешения, — уже несколько поостыв, сказала она. — Гм, стало быть, просят разрешения, — пробормотала она как бы про себя, и у нани стал такой вид, будто из неё выпустили все пары. — Ладно, чёрт с вами, разрешаю, лопайте ягоды, — махнула она рукой и повернулась к дедушке Авагу: — Вот сито, возьми, — сказала она дедушке совсем-совсем обычным тоном.

В. ЛЕЙКИН

Одинокий Барабошка

*Жил на свете Барабошка,
Весил двадцать килограмм.
Целый день смотрел*

*в окошко,
Ночью бегал по дворам.*

*Он жевал одни горбушки
И читал одни обложки.
Но ни друга, ни подружки
Не было у Барабошки.*

*Раздобыв кусочек сала,
Заманил он в гости кошку.
Через день она сбежала,
Поцарапав Барабошку.*

*Он зовёт к себе бульдога —
Ест бульдог ужасно много.
Черепашу пригласит —
Черепаша долго спит.*

*Скучно-грустно Барабошке
Жить на свете одному.*

*Спрячет голову в ладошки
И ни слова никому.*

*Дни бегут, мелькают ночи.
И не знает он, бедняжка,
Что живёт напротив очень
Одинокий Чебурашка.*

Рис. Н. Нефёдова

В. ВИНОГРАДОВ

Салют, Автоград!

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

Набережные Челны, Камский автомобильный завод. Сейчас этот адрес известен повсюду в нашей стране. А вот для сравнения любопытная выдержка из одного дореволюционного издания: «Набережные Челны. Число жителей 720 душ обоего пола, 136 дворов, церковь, училище, водяная мельница, 18 лавок, базары по пятницам, три ярмарки. Пристань на реке Каме. Жители, кроме хлебопашества, занимаются бурлачеством и работают на пристани...» («Географико-статистический словарь за 1888 год»).

Ныне в Автограде живут 260 тысяч человек. 16 февраля 1976 года с главного конвейера уже сошли первые большегрузы «КамАЗ». Автоград — это мощный комплекс из семи заводов (автосборочный, двигательный, прессово-рамный, кузнечный, литейный, ремонтно-инструментальный, колёсный). Здесь осуществляется весь технологический цикл изготовления автомобилей и двигателей, начиная от литых и штампованных заготовок и кончая сборкой, испытанием и выпуском готовой продукции. Интересно, что только один литейный завод по площади равен Тольяттинскому ВАЗу.

Объединение выпускает три основные модификации трёхосных автомобилей с дизельными двигателями мощностью 180 и 210 лошадиных сил. К концу пятилетки с вводом второй очереди на «КамАЗах» будет перевозиться каждая третья тонна народнохозяйственных грузов страны, каждая шестая грузовая машина будет изготовлена в Набережных Челнах.

КамАЗ завтрашний — это 150 тысяч автомобилей, 250 тысяч дизельных двигателей в год, почти 500 тысяч тонн чугуна, стального и цветного литья. А число жителей города достигнет 500 тысяч.

Подвиг на Каме начался задолго до того, как мы услышали о нём из сообщений радио и газет. Мысль о создании отечественного автомобиля-большегруза, не уступающего лучшим зарубежным образцам, давно владела умами учёных, конструкторов, производственников. 14 марта 1970 года заместитель председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков провёл в Ярославле совещание, на котором были обсуждены вопросы разработки конструкции дизельного двигателя для автомобилей марки «КамАЗ». А ещё через год, 22 марта 1971 года, экскаваторщик Т. И. Чертищев вынул первый кубометр грунта из котлована на территории будущего прессово-рамного завода. Так было положено начало...

А 29 декабря 1976 года камазовцы торжественно отметили ввод в строй первой очереди завода. С главного конвейера сошёл пятитысячный автомобиль «КамАЗ», ключ зажигания от которого тут же был вручён знатному ленинградскому водителю, делегату XXV съезда КПСС, Герою Социалистического Труда Сергею Андреевичу Попову.

*Пришла пора, когда мы с вами,
рабочей гордости полны,
подняв пары, врубив огни,
у камской песенной волны,
индустриальными Челнами
вошли в рабочий «флот» страны!*

РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКАНА

Примечательно, что главный автосборочный корпус КамАЗа со всем его «содержимым» спроектирован нашими земляками в Ленинградском филиале института «Союзпроммеханизация». Длина корпуса 1250 метров, ширина — 400 метров. Под одной крышей здесь разместились сразу 13 цехов. А сама сборка автомобиля ведётся на трёх последовательных конвейерах. 1162 детали требуются для того, чтобы собрать каждый грузовик. Долгий путь проходят они по цехам автосборочного, прежде чем в конце конвейера появится новенький «большелобый» красавец «КамАЗ».

Завод так велик, что радушные хозяева предложили мне сесть в «Жигули», чтобы побыстрее осмотреть всю линию сборки. Но мне не хотелось торопиться, и я отпра-

вился в путь пешком. На экскурсию ушло много времени. Однако я не жалел об этом: удалось познакомиться со всем процессом сборки, что называется, «от и до», поговорить с замечательными людьми, которые работают на конвейере. Вот, например, бригада, которой руководит Евгений Вареник. Этот дружный коллектив решил добиться полной взаимозаменяемости, чтобы никакая случайность не помешала ритмичной работе.

Мой провожатый, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ автосборочного завода Михаил Бирюков, поясняет:

— На главном конвейере работают лучшие из лучших. Отбор проходил в настоящей борьбе. Наша комсомолка, а КамАЗ — Всесоюзная ударная комсомольская стройка, показывает в этой борьбе настоящий корчагинский дух...

Мы миновали несколько цехов. Михаил показывает мне котлован по соседству с заводом:

— Вот наша вторая очередь. Камазовцы дали слово ввести её в строй в конце тысяча девятьсот семьдесят девятого года, и тогда проектная мощность увеличится вдвое.

На финише главного конвейера я повстречал земляка слесаря-сборщика Сашу Вахрушева. Вооружившись шлангом, Саша быстро взгромоздился на двигатель, несколькими точными движениями прокачал топливную систему рулевого управления. Грузовик был готов в путь. В нынешнем году с главного конвейера сойдут 75 тысяч таких большегрузов.

«ГЛАВНОЕ, РЕБЯТА, СЕРДЦЕМ НЕ СТАРЕТЬ!»

Эти слова из популярной песни начертаны на огромной арке перед въездом на территорию автосборочного завода. Да, КамАЗ строят комсомольцы, молодёжь. Около 80 процентов всех работающих здесь — молодёжь.

— Самое значительное событие в моей жизни на КамАЗе! — переспрашивает Александр Никитин. — Наверное, тот момент, когда из Москвы привезли экспериментальную модель КамАЗа. Смотрели на неё и мечтали о том времени, когда наш красавец завод станет явью... Наша бригада — это дружная семья. А приехали кто откуда — с Кубани, из Омска, Кирова... За каждым словно родной край стоит. А ты его представитель. Поэтому свою работу мы измеряем не одними процентами...

И таких, как рязанский паренёк Саша Никитин, здесь, на КамАЗе, — тысячи.

Секретарь горкома комсомола Файруза Харисова рассказывает:

— В городской комсомольской организации сорок тысяч человек. Пятнадцать тысяч из них — на КамАЗе. Сто пятьдесят комсомольско-молодёжных бригад трудятся на «стройке века». Бригады Вазых Мавликов, Раис Ганеев (член ЦК ВЛКСМ) и Евгения Вдовина, а также строитель Виктор Панков являются лауреатами премии Ленинского комсомола. Восемнадцать комсомольско-молодёжных бригад носят высокое звание бригады коммунистического труда. Комсомольцами на КамАЗе смонтировано свыше шестнадцати тысяч единиц технологического оборудования, двести автоматических линий общей длиной сто восемьдесят километров.

...Цифры впечатляющие. И за каждой из них — самоотверженный, упорный труд.

«...Камский автомобильный комплекс и вместе с ним строящийся новый город Набережные Челны, отвечающий последним достижениям отечественного градостроения, — это впечатляющий пример динамичного роста социалистической экономики, расцвета способностей и талантов наших людей, великих свершений и побед, одержанных под руководством партии Ленина», — сказал Л. И. Брежнев.

ГОВОРЯЩИЙ АВТОГРАД

Нынешние Набережные Челны поделены надвое: старый город, где, кстати, сейчас вовсю идут работы по сооружению Нижне-Камской ГЭС, и новый город, который, собственно, и называют неофициально Автоградом. Между этими городами 12 километров трамвайных и шоссе-путей. Мощные цельнометаллические трамвайные вагоны за 30 минут доставляют пассажиров из одного города в другой. Любопытно, что одна из остановок называется «Корчагинская».

Широкие проспекты с бульварами посередине, удивительные по красоте 12—25-этажные здания, гостиницы, кинотеатры... Такой будущий Автоград. Многие из проектов уже воплощены в жизнь.

Население Набережных Челнов постоянно растёт. За последние два года в городе родилось 14 тысяч детей. Ныне в Набережных Челнах 20 школ, 33 детских сада. За оставшиеся годы пятилетки предстоит сдать в эксплуатацию 1 миллион 595 тысяч квадратных метров жилья.

Рассказ о КамАЗе хочется закончить словами депутата горсовета каменщицы Р. Сафиной:

— В тысяча девятьсот семьдесят втором году мы, строители, только мечтали о будущем красавце городе. Сейчас это явь! И я думаю так: будущее за такими городами, как наш Автоград.

В горах Гарца (ГДР) находится геологический заповедник «Чёртова стена». Такое название он получил из-за живописных выветрившихся скал, которые возникли в результате тектонического сдвига около 100 миллионов лет назад. В прежние времена причудливые скалы порождали среди местных жителей множество суеверий и легенд. Теперь заповедник «Чёртова стена» используется для учебных целей, как особо ценный геологический объект.

ЧЕРТОВА СЕНА

Неподалёку от Балленштедта жил когда-то один богатый барон. Над своими работниками он издевался. Он им и жалованья-то столько не платил, сколько раздавал пинков и зуботычин. Работников трясло, едва слышали они его голос. И бедным крестьянам в деревне жилось не лучше, чем слугам.

Все ненавидели барона, но ему это было совершенно безразлично. Ему нужны были только деньги, деньги и деньги... Каждую ночь он приходил в свою сокровищницу, где лежали мешки с золотыми монетами, пересчитывал добро, оглаживал приятно круглящиеся толстые бока мешков.

Когда барон почувствовал, что жить ему остаётся уже немного, он приказал и кровать свою перенести в эту комнату. Улёгся он там и взял в руки плётку, чтобы до последнего вздоха защищать свои богатства. Он прогонял слуг, навещавших его, выпроваживал старую служанку, приносящую ему еду. Он хотел быть наедине со своими деньгами.

И жил в деревне бедный крестьянин по имени Кунерт Горовик. Была у него в хозяйстве только одна старая лошадь. Поле его лежало на каменистом холме, а за ним высились скалы, вершины которых, как пальцы великана, уставились в небеса. Чёртовой стеной называли люди эти скалы. Нелегко было обработать каменистое поле, но крестьянин был упорен и трудился целыми днями. И в конце концов ему оставалось ровно столько, чтобы едва-едва прокормиться.

Как-то раз заходит он в конюшню, а лошадь лежит и не хочет подниматься. Нагнулся крестьянин и видит — поранена у неё передняя нога. Он перевязал лошади ногу и пошёл к барону попросить у него на день лошадь, чтобы поработать в поле. Но барон только злобно рассмеялся и ударил крестьянина плетью по лицу.

— Гоните вора! Гоните вора! — закричал он.

Не успел крестьянин опомниться, как оказался во дворе. Возмущённые работники окружили его и грозили кулаками в окна господина.

— Вот видишь, он и тебя избил! — кричали они. — Хоть бы его чёрт забрал!

Вечером барон почувствовал себя совсем плохо и, едва пропели первые петухи, умер. Когда на следующий день к нему вошли и хотели положить тело в гроб, оказалось — он исчез вместе со всеми своими мешками. Работники подталкивали друг друга локтями и посмеивались.

— Вот чёрт-то и забрал его, — тихонько говорили они. — Надо думать, так и оставит у себя...

Они разошлись по работам, и дело пошло у них намного лучше, чем раньше, потому что никто не стоял над ними с плетью, никто на них не кричал.

А крестьянин несколько дней пролежал с опухшим лицом в постели. Когда ему стало лучше, он поднялся, поправилаь и его лошадь. Он запряг её в телегу и поехал посмотреть, что делается на его поле. И только выехал он на дорогу, как увидел на меже тонкий прут. «Эге, — подумал он, — пригодится подхлест-

нуть лошадь, надо поднять». Он слез с телеги и подошёл поближе. Глядь, а это не прут, а плётка барона, та самая, которой тот хлестнул его по лицу. «Ишь ты, наверное, потерял по дороге к чёрту». Он поднял плётку, сунул за голенище и снова забрался в телегу.

Поехали дальше. Солнце медленно поднималось над лесом и горами. И вот уже видна Чёртова стена. Но тут лошадь наострила уши и вдруг встала. И в тот же миг раздался грохот, склон соседней горы раскололся, завиднелась глубокая пещера. В ней было совершенно темно, только где-то вдали чуть-чуть брезжил свет. Кунерт почесал затылок и задумался. Любопытство всё же оказалось сильнее страха. Он привязал лошадь к ближайшему дереву, взял в руки плётку и вошёл в пещеру.

В глубине пещеры горел костёр. А у огня сидел... барон. Рядом стояли мешки с деньгами. Барон доставал монеты, пересчитывал их, записывал на большой доске цифры. Он так был погружён в своё занятие, что даже не заметил крестьянина. Кунерт посмотрел-посмотрел, и зло его взяло. Он взмахнул плёткой и крикнул:

— Вот мы и повстречались! Могу ли я осведомиться о здоровье господина?

Барон, узнав крестьянина, побелел и задрожал, как осиновый лист. А Кунерт подошёл поближе и сказал:

— Так вот, значит, ты где! Да ещё и всё заработанное нашим по́том захватил. На что тебе это теперь? А к чёрту тебя разве не посы-

ляли? Ну ничего, я сейчас расшевелю тебя! Пошёл, злодей, пошёл в ад!

И снова свистнула плётка и угодила как раз по носу барона. Тот взвыл. Раздался ужасный треск и грохот. Костёр погас. Неведомая сила подхватила Кунерта. Миг, и он оказался у своей лошади. И он уже почесал было затылок, но тут... увидел господина барона. Подхваченный вихрем, тот нёсся по воздуху прямо к Чёртовой стене, вершины которой, как пальцы великана, тянулись к небу. Стена раскрылась, сверкнула молния, и барон влетел в чёрную дыру. Камень сомкнулся, и снова всё вокруг стало тихо.

Крестьянин покачал головой, сунул плётку за голенище и отвязал лошадь от дерева. Но когда он полез в телегу, то увидел, что все мешки с деньгами стоят на телеге один к другому, словно солдаты в строю. Тут он расхохотался, подкинул вверх свою шляпу, да так, что она повисла на макушке ели, повернул лошадь назад и покатил скорей в деревню.

Там он созвал всех и разделил деньги. И не стало в деревне нужды, никто уже не страдал от голода, никто не бедствовал. Крестьяне продолжали усердно работать, и с каждым годом они жили всё лучше и лучше, потому что никто больше не подгонял их, никто не издевался над ними.

Иногда из глубины Чёртовой стены доносились жалобные вопли. И люди тихонько говорили друг другу:

— Вон как барона чёрт треплет! Сам виноват: был злодеем — так и получай по заслугам!

Пересказал с немецкого А. ДЕВЕЛЬ

Рис. Ю. Бочкарёва

«РАКЕТЫ» И «МОЛНИИ»

У старших была «Зарница». Счастливики!.. Они с утра ушли за ворота на местность, чтобы действовать там в подходящих условиях боя. И они воевали и действовали полный день. В условиях и с оружием в руках. Что и говорить — круглые счастливики. Когда ещё до этого доживёт отряд «Ручеёк»?..

— Галя, Галь! — приставали мальчишки к вожатой. — Как же мы? Все воюют, а мы — как лысые.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказала Галя. — Будет и у вас своя «Зарничка». Потерпите — на той неделе. А пока нужно её подготовить. Давайте организуем командный состав и стратегический совет.

Все, конечно, обрадовались, что совет не простой, а стратегический. Тут же его и выбрали по горячим следам. Против Ромки, Миши и Кости Быстрова никто не имел возражений. Но вот Галя предложила Васю Груднёва, и тогда вдруг случился протест.

— Не хотим! — кричали девочки. — Он цыплёнка погубил!..

— Не желаем! — кричали мальчишки. — Он пират с разбитого корыта и, вообще, ко всем пристаёт!

Надо сказать, что в эти дни Вася был какой-то на себя не похожий. Он послушно ходил в строю и мыл ноги, как положено. А ещё читал книги и всё время молчал. Галя всё видела, беспокоилась и потому, наверно, метила Васю в стратегический совет. Но ребята упростились:

— Нечего! Есть люди получше! Пускай дальше исправляется! Не хотим!

Это была расплата. Вася еле устоял на месте — так ему стало обидно. И всё же он устоял, не сбежал, и такая стойкость многим понравилась. Она означала, что парень осознал вину и готов терпеть кару, которую заработал. Тем не менее в командный состав Васю не допустили. Зато допустили неожиданного человека, то есть Юлю Цветкову. Правда, сперва кто-то что-то ворчал в знак протеста. Но попробуйте побороть словами девчонок, когда их полно и вдобавок они правы.

Ну а дальше события назревали так. Три дня командиры и шефы из второго отряда придумывали правила «Зарнички». Ещё они рисовали карты местности, делили народ по списку, добывали военный инвентарь. И вот в назначенный срок началось...

Утром каждый получил прямо в руки персональный пакет для своей персоны. Это значит — отдельно для себя одного, чтобы другие не знали, в чём дело и что там написано. А написано было разное. Кто в какой армии и кому подчиняется. Кто кем будет в бою и какое у него первое задание. В общем, каждый превратился в разведчика или связиста, в автоматчика или часовых. Самое интересное, что друг о друге ребята не догадывались и во время завтрака крепко держали секрет за зубами, и набивали полный рот каши, чтобы не проболтаться.

После завтрака все разбежались на сборные пункты — как приказано персональным пакетом. Тут человека встречали командир взвода и наблюдатель из шефов. Человеку прикрепляли на грудь эмблему его армии: одним — ракета, другим — молния на картонном кружочке. И вот человек окончательно становился бойцом, потому что знал теперь, кто свой, кто чужой и вообще — что ему делать дальше.

Автоматчики, кстати сказать, получили автоматы на батарейках. Взводы охраны взяли флажки с эмблемами. Связисты и разведчики ничего не взяли и не получили, только задание: пройти на исходные рубежи. Не пройти нужно было не просто, а по карте, где стрелками маршруты нарисованы. А к тому же требовалось оставить знаки на дороге, чтобы другие части безошибочно отыскивали поле битвы и главный штаб. Причём на первых порах свой штаб, а не вражеский, — это тоже надо учесть.

Скоро обе армии заняли боевые позиции. Правда, войска «Ракеты» во главе с начальником Ромкой немного заблудились и опоздали к войне. Но хотя с оплошкой, она всё-таки завязалась и пошла, пошла к победному концу. Сперва битва была позиционной, то есть ни туда ни сюда, без прорывов, потерь и атак.

— Эй вы! — смело кричали из укрытия Ромкины солдаты. — Эй, налетайте, что же вы!..

— Мы не агрессоры! — кричали в ответ солдаты Миши Мороза. — Сами налетайте, а уж мы вам дадим!

Те и другие построили из автоматов через ничейную поляну, а потом всё смолкло — тишь да благодать. Но это лишь с виду, вы ж понимаете. На самом деле тишина была тревожная, героическая, как полагается в заправдашной войне. Ребята слушали её, замирая и пылая отвагой. Лучше всех пылал, конечно, Вася Груднёв из разведки «Ракеты». Замирали в основном девочки с той и другой стороны. А некоторые парни, между прочим, уже действовали в тылу противника. Шёл первый час легендарного сражения...

Главнокомандующий силами «Ракеты» Ромка Давыдов находился на пне в глубине своей территории. Тут был его штаб и знамя, и три бойца охраны, и военный наблюдатель Наташа. Но главнокомандующий нелепо твердил:

— Я хочу в бой! Мне надо в бой!
— Нельзя,— говорила Наташа.— Твоя задача — руководить. Только в крайнем случае...

— Сиж, как дурак,— не слушал её Ромка.

— А ты сиди, как умный,— хихикнули девочки из охраны.

— Вы не указывайте! — подскочил на пне Ромка.— Даже Суворов лично ходил в атаку, я знаю!..

Но девочки опять:

— Надо по правилам. И ты, честно сказать, не Суворов. Это заметно, хи-хи!..

В ответ Ромка не нашёл что возразить, потому что охрана была, кажется, права. Он ведь сам растранижил войска при первой возможности. Потом угнал всю разведку, разослал всех связных, вот и торчал теперь в штабе, ничего не зная о ходе сражения. Хорошо, примчался в конце концов взводный командир Гриша. Он как вылетел на штабную лужайку, да как закричит:

— Прорыв! Автоматчики слева! Идут вдоль ручья!

Ну дождался Ромка своего. И он сразу стал подтянутый. Развернул карту.

— Без паники! Покажи здесь. Доложи, как положено.

Взводный Гриша доложил, но в карте его палец запутался. Тогда он показал в живом масштабе на близкие деревья.

— Да вот же они,— говорит.— Совсем рядом. Так точно!

— А наши? — спрашивает командующий, немного волнуясь.

— На передовой. Охраняют рубежи. Так точно!

В этот миг в поле зрения вскочили вражеские автоматчики, пять штук. Командующий Ромка заволновался сильнее. Он послал Гришу за

подмогой, чтоб ударили с тыла, а сам начал отступать по всему фронту. Заодно с охраной. А охрана — с флагом армии. И наблюдательная Наташа вдогонку. Такой был стратегический манёвр, и он удался на славу, только очень запыхались под конец.

По условиям игры, самое важное — отстоять своё знамя, а чужое, наоборот, — захватить. Причём знамя нельзя прятать в канаву или ещё куда в позорное место. Оно должно быть на виду, и оборонять его могут автоматчики и все другие войска, но по-разному. Если автоматчики стреляют, враг не имеет права приближаться в атаку. Если автоматчиков обойдут и налетят на охрану флага, то надо сил вдвое больше, чем в охране. И вообще, каждый боец считается убитым, когда на него навалются вдвое больше неприятелей. Только главнокомандующих нельзя уничтожить, по условиям игры. За всем этим следили шефы-наблюдатели и Галя. Шёл второй час легендарного сражения...

К этому времени войска «Ракеты» сбились в одну кучу и тихонько бездействовали, зато — не подступись. Впрочем, они постреливали, пытались пробиться в тыл врага, но не получалось. Миша Мороз так расположил своих автоматчиков, что куда ни сунься — повсюду встречный огонь. И нахождение флага «Ракеты» было известно Мише. А Ромкины разведчики до сих пор не обнаружили флаг «Молнии», вот такие дела... И всё же на войне как на войне, а поэтому в разных местах кое-что происходило.

Надя Курочкина и маленькая Вера были связистами «Ракеты». С начала боев они слегка растерялись, затем натолкнулись на Вовика Тихомирова. Он был разведчиком в «Молнии» как раз. И вот он вышел на встречу девочкам из кустов. Вышел, а в руках — обгорелая коряга удивительного вида. Он показал эту корягу Наде и Вере. А потом, вместо рукопашной схватки, вдруг и говорит:

— Интересно, что из неё можно вырезать?

— А что? — спрашивают девочки.

— Лесовика, — говорит Вовик. — Здесь отстругать, здесь подровнять, он и получится: худощавый, задумчивый, из-под ладошки вокруг поглядывает.

— Ой, правда! — рассмотрела Вера.

— Похоже, — согласилась Надя Курочкина.

И они стали все трое вертеть и узнавать лесовика и не заметили наблюдателя Коровина. А он подкрался тихим способом, потом как гаркнет во весь дух:

— Предательство! Измена! Почему вы его не хватаете, когда вас вдвое больше?..

Тут девочки вспомнили про войну, да поздно. Вовик тоже вспомнил и мгновенно удрал от бойцов «Ракеты». Коровин захохотал, захохотал, а после говорит:

— Ну, вояки! Ну, мальки! Для чего вам игру устраивали?

Девочки, конечно, смутились, а потом говорят:

— Если бы раненых лечить. Если бы вытаскивать с поля боя!.. А тут ничего не поймёшь. Все в кустах, а на поле никого нету.

Вот ведь рассудили — и смех, и грех! Но не все воевали таким макаром. Например, Максима чуть не схватили два разведчика из «Молнии». Они бы и схватили, да не тут-то было. Максим увернулся и в два счёта на дерево шмыгнул. Ему говорят:

— Слезай, потому что ты мёртвый!

А он отвечает:

— Не могу. У меня мёртвая хватка.

— Всё равно ты готов, — доказывают снизу неприятели, — и твоя песенка спета!

А Максим сверху:

— Я не пел и ещё не готов. Погодите, настрою голос и тогда уж исполню, если вам хочется.

Он вскарабкался повыше и загорланил слова из песни, что его адрес не дом и не улица. На шум подоспели Ромкины солдаты, и произошла стычка, и один разведчик «Молнии» тоже погиб, хотя кричал, что нечестно. Оно и верно: убитый Максим не имел права подавать сигнал. Но можно и понять: он боролся с врагами до последнего...

А в общем, легендарное сражение приближалось к обеду, и силы войск постепенно таяли на глазах у пионеров-наблюдателей. Они по ходу дела кричали малышам:

— Убитые, собирайтесь под дерево на поляне. Не расходись, не мешай!..

Но некоторые жилили, и мешали, и снова лезли в бой, не по правилам путая игру. В эти трагические минуты в штаб «Ракеты» ползком приполз Вася. Он сказал Ромке:

— Товарищ главнокомандующий! Флаг врага обнаружен нашей разведкой в составе меня. Выдайте пять бойцов, и я захвачу флаг врага, и будет наша победа.

— А где взять столько бойцов? — удивился командир. — Не знаешь: всего девять осталось вместе со мной. Да и то четыре женского рода. Понимаешь?

— Выдайте женского рода, — решил тогда Вася.

— Без них нам свой флаг не удержать...

Тут вмешались другие и сказали, что ладно, риск — благородное дело. В конце концов Вася взял себе подкреплением двух девочек — весь последний резерв — и ушёл на задание, была не была. Пока «Ракета» оборонялась на рубежах, с этой мужественной группой вот что случилось,

Сперва их обстреляли автоматчики «Молнии» и вынудили пробираться в обход. В обходе по лесу Люда Набережная отстала и погибла, потому что ей повстречались Боря и Коля. Они бесшумно подскокили и бесшумно приказали:

— Стой и не рыпайся. Ты готова. А где другие ваши?

— Там,— ответила Люда и показала направление.

Мальчишки взяли у неё эмблему с ракетой за то, что убита. Потом они бурно обрадовались и побежали по следу неприятеля. Не меньше обрадовалась и сама Люда. Ведь направление она дала на сто процентов обманное, а они поверили. Вот чудак! Думают, если девочка, так сразу и предаст? Держи карман!.. Смелые девочки не хуже Ивана Сусанина провести врага умеют. На то и война...

Ну, а Вася тем временем близко подкрался к флагу «Молнии», и тут наступил решающий момент. Сил у Васи было только он сам да ещё одна уцелевшая Эльвира. А флаг охраняли хотя и девочки из четвёртого звена, но тоже в количестве двух полновесных бойцов — атаковать невозможно. Если без правил, Вася, конечно, отбил бы неприятельское знамя. Но в том и дело, что возле охраны сидел наблюдатель и он не позволил бы просто так нарушить условие игры.

— Как же нам быть? — спросила Эльвира шепотом своего начальника.

— Помолчи,— ответил он.— Командир думает, помолчи.

Думал Вася долго. Сначала он думал, лёжа в траве. Потом переполз на другое место, встал за дерево и опять думал. Место оказалось удачное. Боевой план созрел в Васиной голове, как арбуз. Этот план был хороший, но отчасти и плохой, потому что кому-то из двух предстояло бесславно погибнуть.

— Ладно,— сказала Эльвира, когда Вася всё объяснил.— Я пожертвую собой. Попробуем, выхода нету.

И вдруг, себя не узнавая, бывший пират и единоличник, зазнайка и выскочка в прошлом, неорганизованный Вася Груднёв произнёс такие слова:

— Нет, ты не сможешь. Я пожертвую собой. Пускай меня убьют, а тебе достанется подвиг. Уж лучше тебе, чем никому.

После этого они разошлись и стали действовать, как задумано. Нелегко было Васе погибать. И главное, от девчоночьих рук! Но всё-таки он обнаружился из кустов и раздражил охрану, и те увязались в погоню и на минуту бросили пост...

Дальнейшее случилось по расписанию. Васю в два счёта прикончили как и должно. Зато Эльвира, используя момент, цапнула вражеский флаг и успела с ним убежать.

Вечером на отрядной линейке шефы подвели итог ожесточённых боёв. Победу присудили Ромкиной армии. Наташа сказала, кто чем отличился, а про Эльвиру — что лучшая героиня в группе. Эльвире кричали «ура!» и хлопали, и она, конечно, гордилась. Васе никто ничего не кричал, и гордиться ему не полагалось. Правда, он думал, что без него «Ракета» не победила бы, что неплохо почтить по справедливости и его светлую память погибшего бойца. Но в торжественной суматохе люди иногда забывчивы. А бахвалиться своей жертвой Вася теперь не хотел. Он и так был доволен судьбой, потому что сыграл важную роль для товарищей. А почести по заслугам — они ведь не каждый раз достаются в руки.

Так думал сбитый с толку Вася, но сразу скажем, что думал он неправильно.

На другой день все опять без конца говорили про «Зарничку». Вспоминали, кто кого поразил и с какими подробностями. Галя узнавала

события, смеялась, когда смешно, а также хвалила многих за смелость и находчивость. Между прочим она поглядывала на Васю, но Вася почему-то молчал и грустил. И тогда Галя вдруг стала рассказывать об одном рядовом бойце по фамилии Матросов.

Некоторые ребята не слышали, как он погиб на войне с фашистами. Некоторые знали про подвиг, но слушали снова, прямо закипая от мужественных чувств. Ещё бы! Ведь Александр Матросов кинулся грудью на вражеский пулемёт, который строчил не переставая. Он закрыл огонь самим собой, чтобы пули не летели в других бойцов-товарищей...

— Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза,— сказала Галя при полной тишине всей октябрятской группы.—Его навечно занесли в список подразделения, как живого. Это понятно. Такой подвиг — бессмертен. Такой человек в памяти людей будет жить всегда...

Галя кончила рассказывать, но ребята сперва сидели не шелохнувшись. Потом они всё же пришли в себя и стали сурово уточнять и переспрашивать о герое. А потом случилось невообразимое, просто нет слов! То есть, кроме Галиных слов, тут ничего не добавишь.

— А знаете,— серьёзно сказала она,— в нашей «Зарничке» был случай, когда человек тоже себя ради товарищей не пожалел. Не удивляйтесь и поймите мою мысль правильно. Подумайте хорошенько о поступке Васи Груднёва...

И действительно, об этом стоит подумать.

Ну, вот и всё про военные дела. Под конец можно ещё сообщить, что про Васю Груднёва говорили с тех пор так: «Васька? Ну, Васька у нас герой!» И смотрите, какой фокус! Пока он мечтал прославиться по-пиратски и величал себя атаманом, люди это ни в грош не ставили. А когда без всяких выкрутасов поступил просто мужественно и по чести, тут его и признали. Вот ведь как в жизни бывает,

С. ПИВОВАРОВ

М а л ы ш

*Щенка я назвала Малыш.
Он был как маленький
голыш.*

*Вот год прошел,
Щенок подрос —
Теперь Малыш
Огромный пёс.
Проходит еле-еле
В дверь.
Как называть его
Теперь?*

Рис. Ю. Бочкарёва

Р. ПОВИЛЕЙКО

Рисунки Ю. Бочкарёва

В прошлой беседе мы с вами уже выяснили, насколько важно при конструировании машин и инструментов учитывать особенности человеческого тела, размеры и строение его частей. Вот ещё один простой пример. На ткацкой фабрике каждая прядильщица за смену наклоняется 1500—2000 раз, чтобы ликвидировать обрыв нити. На это уходит больше трети рабочего времени, причём каждый раз прядильщица вынуждена нагибаться под углом 60 градусов к горизонту. Такая напряжённая поза быстро утомляет, а от усталости падают внимание и работоспособность. Можно ли избавиться от этого? Оказывается, можно, и довольно просто. Достаточно сделать прокладки между полом и станинами машин. И работницам уже не

придётся так наклоняться. Это предложение внедрили в прядильном цехе комбината «Приволжская коммуна» (г. Наволоки Ивановской области): все машины были подняты на высоту 10—20 сантиметров. Прядильщицы вздохнули свободней, и сразу поднялась производительность!

Знание типичных размеров человеческого тела — головы, рук; ног — позволяет более рационально проектировать не только машины, но и различные элементы спецодежды: перчатки, обувь, головные уборы, защитные очки и маски, детали управления: рукоятки, кнопки, педали. Куда можно сунуть палец, чтобы что-то достать? Почему близок локоть, а не укусишь? Наконец, какой длины должно быть чужое «дело», в ко-

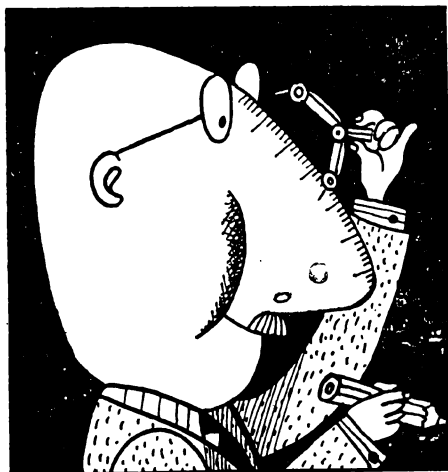
торое хочется сунуть любопытный нос? Всё это она, матушка антропометрия, её условия, её требования. Что касается последних королей носа, то 57-летний итальянец Аттілио Сальвини из города Сарана имел нос длиной 65 миллиметров, шириной 38 миллиметров, а его предшественник Россети имел нос на 5 миллиметров длиннее и на 4 миллиметра шире. (Надо сказать, что у антропометрически нормальных людей нос выдаётся всего на 20 миллиметров). Но им всем очень далеко до англичанина Томаса Веддера, обладавшего, пожалуй, самым длинным носом в мире. Его чудо-нос чуть-чуть не доходил до 200 миллиметров!

Шутки шутками, а величину носа тоже надо учитывать, когда дело касается, скажем, очков или масок. А если мы перенесём наше внимание с головы на ноги, то вместо проблемы носа перед нами встанет проблема носка. Носка ступни и всей ступни в целом. Обувь работника и педали управления должны быть идеально пригнаны друг к другу. Результат? Затрата энергии уменьшается на 8—12 процентов. Не случайно один из старейших в мире художников-обувщиков заметил: «Раньше я подгонял обувь к стремянам, сегодня — к педалям».

Значительно облегчает труд и целесообразная конструкция рукояток органов управления и ручного инструмента. От неудобной рукоятки больше всего страдают межпальцевый бугорок и ямка ладоней. На них появляются стёртости, нарывы, мозоли, и руки уже не способны выполнять тонкую работу. При конструировании рукояток надо помнить, что человеческая ладонь имеет свои естественные демпферы. Это мышцы большого пальца и бугорок мизинца — характерные выступы на ладони, имеющие не только сильные мускулы, но и упругую жировую ткань, которая смягчает вибрации и удары.

Стало быть, задача конструктора — исключить неблагоприятное воздействие рукоятки на межпальцевый бугорок и ямку ладони и использо-

●●●●●●●●●● ВЕЛИЧИНУ НОСА ТОЖЕ

НАДО УЧИТЫВАТЬ ●●●●●●●●●●

вать собственные демпфирующие способности ладони. Основой для правильной формы рукояток и рычагов может быть треугольная усечённая призма с округленной поверхностью: две нижние (или задние) поверхности рукоятки охватываются согнутыми пальцами, а на верхнюю (или переднюю) ложится упругий выступ мышц большого пальца. Такая форма удобна и не сковывает положения руки.

В соответствии с этими требованиями переконструированы заново многие самые различные инструмен-

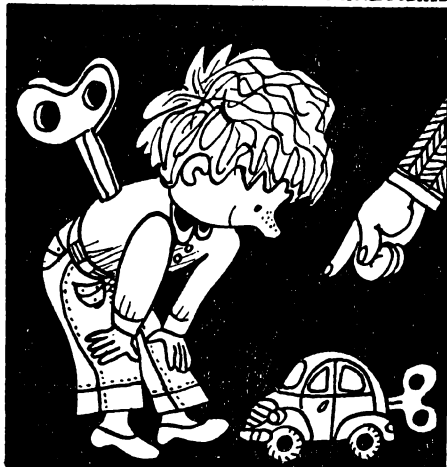
●●●●●●●●●● ОТ НЕУДОБНОЙ РУКОЯТКИ

БОЛЬШЕ ВСЕГО СТРАДАЮТ ●●●●●●●●●●

ты: лопаты, долота, пилы, напильники, ножницы, кирки, ножи, инструменты для каменщиков, литейщиков, кузнецов и т. д. Так, рациональное изменение формы рукоятки ножовки повысило производительность труда на 40 процентов, а долговечность полотна — на 28 процентов, изменение формы рукоятки тяжёлого молота уменьшило величину прилагаемой к нему силы почти в 10 раз. Красота в этих инструментах создаётся не избыточным орнаментом, а всей своей формой, предельно соответствующей задаваемому содержанию. Здесь искусство не прикладывается (прикладное искусство), но органично сливается с техникой (промышленное искусство).

●●●●●●●● МАНЕКЕНЫ УДОБНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ

ДЛЯ ПОДГОНКИ К ЧЕЛОВЕКУ ●●●●●●●●

Новый инструмент, несмотря на сравнительно высокие первоначальные затраты на изготовление, быстро окупается. Некоторое время тому назад на стройках Чехословакии вместо обычных круглых совков с круглой ручкой каменщикам были выданы новые — с фигурными рукоятками, значительно более удобные. Новые совки оказались дороже в изготовлении почти в 5 раз, но за счёт того, что производительность устойчиво возрастала на 13 процентов, совок окупался в течение первых 3—4 дней работы. Новый совок

был легче, его удобнее было держать, и от него не образовывалось мозолей.

Обращение с органами управления и различным инструментом, рукоятки которых проектируются с учётом анатомических особенностей человека, вызывает у работника чувство удовлетворения, эмоциональной приподнятости. Труд не уродует руку — даже при тяжёлой физической работе пальцы сохраняют гибкость и музыкальную чуткость. При работе с подобным инструментом «без преувеличения можно сказать, — пишет чешский художник-конструктор П. Тучны, — что пальцы молотобойца сохраняют способность к игре на музыкальных инструментах».

За последние полтора столетия техника прошла в своём развитии колоссальный путь. Комплексная механизация и автоматизация производства приводит к тому, что от индивидуального пользования отдельными машинами мы переходим к коллективному использованию новой техники. Приспосабливая машину к человеку, надо иметь в виду не отдельного рабочего, «застывшего» у включённого станка, а группу постоянно перемещающихся наладчиков, тесно связанных одной высокой целью — обеспечить высокопроизводительную работу автоматической линии, цеха-автомата, завода-автомата.

Здесь очень здорово может помочь прикладная антропометрия, точнее, один из её разделов — кукловодство. Да, да, не удивляйтесь, именно куклы, в которые так любят играть малыши, стали сегодня равноправным элементом «взрослого» проектирования.

Объёмные и плоские манекены очень удобно использовать для подгонки к человеку самого различного технологического оборудования. Семейство из 32 кукол-испытателей — «мужчин», «женщин», «детей», vyplненных в натуральную величину, повторяющих малейшие особенно-

сти анатомии человека и напичканных механизмами,— стоило фирме «Фольксваген» более 2 миллионов западногерманских марок. И если такая солидная фирма решилась выложить на кукол кругленькую сумму, можете не сомневаться: игра стоила свеч.

Когда эргономика рассматривает человека в целом, то приходится учитывать не только размеры частей тела, но и соотношение их между собой. Вы все, вероятно, знакомы с понятием симметрии. На первый взгляд, человеческое тело симметрично, то есть состоит из двух зеркально одинаковых половин. Но так ли уж они одинаковы? «Не существует совершенной красоты, которая не содержала бы в себе известную долю странности»,— писал знаменитый философ Ф. Бэкон, имея в виду, что ни в природе, ни в искусстве нет идеальной симметрии. А известный французский художник О. Ренуар категорически утверждал: «Природа не терпит симметрии. Два глаза, даже на самом красивом лице, всегда чуть-чуть различны, нос никогда не находится в точности над серединой рта». Человек по формам тела асимметричен, или, строже говоря, диссимметричен. Практически не существует идеально симметричных людей. Даже у Венеры Милосской одна нога была короче другой на 2 сантиметра. Об обычных смертных и говорить не приходится. Каждый может проверить легко собственную асимметрию. Для этого надо разрезать точно по плоскости симметрии фотографию своего лица анфас и затем поочерёдно приставить половинки фото ребром к зеркалу, чтобы вместе с отражением получилось целое лицо. Два новых идеально симметричных лица чаще всего совершенно не сходны друг с другом и с оригиналом.

Человеческое лицо диссимметрично. Все парные органы его располагаются на одинаковых горизонтальных уровнях, но в большинстве случаев одна из половин лица (правая или левая) несколько уже и выше, а другая несколько шире, и ни-

же по высоте. Недаром учёные различают «правый» и «левый» типы лица (головы). Существует связь между строением той или иной половины лица и его мимикой. В частности, в «кривой» улыбке, то есть в улыбке одной половиной лица, принимает участие преимущественно «широкая» его половина. Привычное поднятие одной брови при мимике происходит, наоборот, на узкой половине.

Диссимметрично тело человека. У людей почти всегда сердце расположено слева. Различны правая и левая сторона человеческого мозга, лёгкие, сосудистая система, кожные борозды пальцев и ладоней, пигментация волос и многие иные элемен-

●●●●●●●●●● НЕ СУЩЕСТВУЕТ ИДЕАЛЬНО

СИММЕТРИЧНЫХ ЛЮДЕЙ ●●●●●●●●●●

ты правой и левой части человеческого тела. У 70 процентов людей правая половина грудной клетки по периметру на 0,5—2 сантиметра больше левой, у 75 процентов правая рука длиннее левой. При измерениях ног 3163 различных людей было установлено, что у 43 процентов правая нога длиннее левой, у 35 процентов левая нога длиннее правой и только у 22 процентов ноги по длине равны.

Ещё Аристотель указывал, что наши руки не равны от природы. Все народы всех времён оказывали пред-

почтение при работе правой руке, и это нашло отражение и в языке, в частности в русском: «правое дело», «левый заработок» и т. п. В средневековых романах левую руку называют ленивицей и неряхой. Марко Поло рассказывал, что жители Индии предназначали левую руку для всякого рода «низкого» употребления.

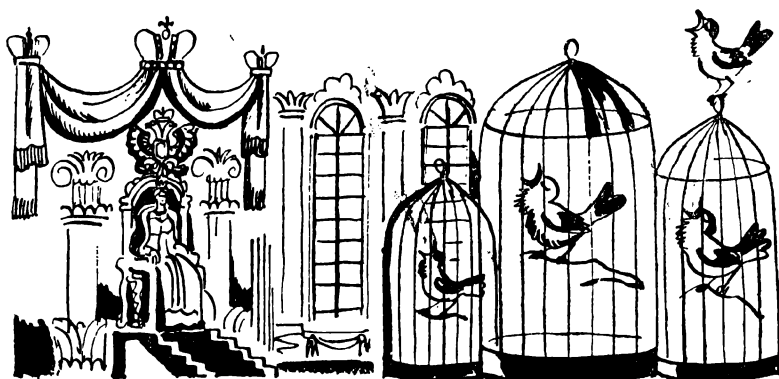
Полушария головного мозга управляют руками наперекрест: правой рукой «командует» левое полушарие, левой — правое. Поэтому у большинства людей левое полушарие и больше развито. Некоторые учёные считают, что полезно давать одинаковую нагрузку обеим рукам, тогда и резервы нашего мозга будут использоваться полнее. В этом смысле левши находятся в более выгодном положении, так как они обычно переучиваются выполнять многие действия правой рукой, например писать или есть. Возможно, именно такая разносторонность помогла лесковскому Левше настолько овладеть своим искусством, что ему удалось подковать малюсенькую блоху. Во всяком случае левши могут гордиться тем, что в их когорте немало выдающихся людей, например Леонардо да Винчи, Франклин, Павлов. Ориентировочно можно считать, что 5 процентов человечества являются левшами, но такая пропорция существовала не всегда. По данным некоторых археологов, около половины людей каменного века были левшами, а в бронзовом веке левшами было уже 25 процентов.

Отдельные специалисты полагают, что убывание левшей было свя-

зано с необходимостью защиты сердца левой рукой, а при этом более удобно было брать орудие труда правой рукой. Правая рука стала активной, нападающей, ударной и получила преимущество в силе и развитии. Число людей, лучше владеющих левой рукой, постепенно уменьшается, и это в какой-то степени обусловлено культурным развитием человечества.

Диссимметрия человека накладывает определенный отпечаток на компоновку технологического оборудования, элементов управления, рабочей зоны и, наконец, на форму и конструкцию рабочей одежды. Например, более частые движения правой руки приводят к асимметрии одежды (в том числе рабочей): прорези на левом лацкане пиджака, маленький карман для мелких деталей с правой стороны и т. п. Органы управления, требующие больших усилий, располагают на правой стороне панелей (правая рука примерно на 10 процентов сильнее левой). Там же ставят органы управления, которые обеспечивают выполнение наиболее ответственных и точных операций (в том числе и кнопки «Пуск» и «Стоп»). При работе, связанной со значительными физическими нагрузками, правая половина рабочей одежды (карманы, плечи, сгибы) делается более прочной и износостойчивой.

Вопросы диссимметрии человека ещё не исследованы до конца, но учёт этих тонких особенностей при конструировании новой техники представляется делом самого недалёкого будущего.

ПТИЧКА С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ГОЛОСОМ

На открытии Ленинградской городской выставки природы собралось много народу. И, пожалуй, не было ни одного посетителя, который не обратил бы внимания на канарейку по имени Пинча, выведенную кенароводом Ириной Григорьевной Двужилиной. Годовалый Пинча был самцом. Подвижный, любопытный, общительный, он вертелся в клетке, весело поблескивая глазами.

В ту самую минуту, когда И. Г. Двужилина показывала Пинчу известному учёному-орнитологу профессору А. С. Мальчевскому, вдруг раздалось громкое и внятное переливающееся пение, оно продолжалось несколько секунд, потом затихло, Пинча огляделся и вдруг... сказал человеческим голосом:

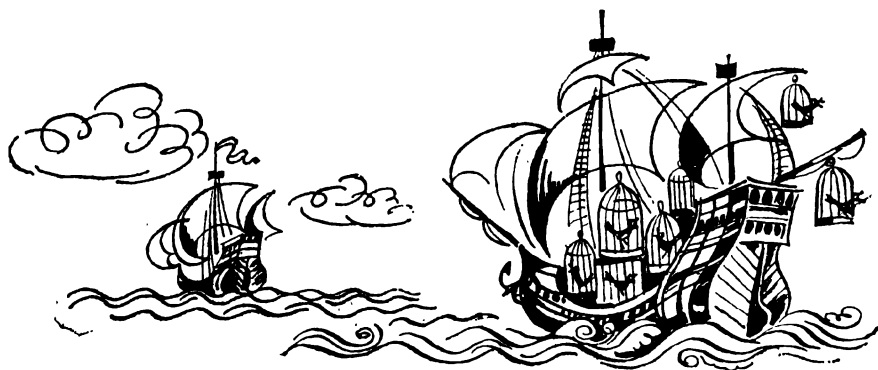
— Я птичка хорошая, вот такая птичка хорошая, Пинча, Пинча, Пинча...

Все так и ахнули, окружили Ирину Григорьевну, засыпали вопросами... А Пинча повторил свою «речь» ещё раз, и тут А. С. Мальчевский успел записать её на магнитофон. Позже голос Пинчи с человеческой речью был записан на пластинку, которая сразу стала редкостью. Так стало известно, что птицы-канарейки могут не только петь, но и складывать слова и даже короткие предложения, конечно, если их специальным образом надрессировать.

В незапамятные времена эти птички-певуньи водились только на Канарских островах. Первыми из европейцев с ними познакомил испанцы, когда в XV веке завоевали острова. Одну из крылатых певуний поймали, посадили в клетку и отправили в Испанию. Вскоре чудесная певица уже услаждала слух короля. Случилось это в 1478 году.

Музыкальные птицы быстро стали популярны в Европе. По приказу короля испанские солдаты безжалостно вылавливали пичуг. Около 100 лет испанцы занимались торговлей дорогими певчими, приносящими огромный доход в королевскую казну.

Но вот однажды парусник с отловленными самцами-кенарами (самок испанцы из своих владений не вывозили) попал в шторм, одна из мачт

рухнула, судно накренилось и стало ложиться на борт. Команда в панике бросилась в шлюпки, забыв о дорогом товаре. Один из матросов, пробегаая мимо клеток, пожалел птиц, остановился и выпустил их на волю. Корабль погиб в бушующем море. А кенары, несмотря на ужасный шторм, долетели до острова Эльбы, у берегов Италии.

Климат здесь оказался подходящим для заморских гостей. А подруги они нашли среди местных птиц, которых учёные сейчас называют канареечными вьюрками. Так морская стихия неожиданно способствовала появлению нового, смешанного потомства канарских певцов. Местные жители стали вылавливать этих птиц и приручать. Через некоторое время канарейки-вьюрки распространились по Европе. А центром кенароводства на континенте стал город Тироль. Цены на этих пташек так поднялись, что приобрести их могли лишь очень богатые люди. Особенно высоко ценились «канарейки тирольского напева».

В России канарейки появились только спустя 300 лет после завоевания испанцами Канарских островов, то есть в 1778 году, когда на российском престоле властвовала Екатерина II, большая любительница разведения певчих птиц.

А первым российским кенароводом стал простой крестьянин Иван Рябов. Это он путём долгой работы вывел первого кенара так называемого «овсяночного напева». Он воспитал у своих птиц двенадцать тоновых оттенков в голосе, а позже довёл это число до двадцати. А делал он это так. Подготавливал несколько десятков разных свистелок из перьев и берёсты, наигрывал на них разные напевы и приучал своих питомцев слушать, запоминать и воспроизводить все переливы. Долгой, кропотливой была эта сложная тонкая работа, длилась она годами, но результат получился отменный. Иван Рябов был вызван в столицу. После концерта у крестьянина отобрали всех питомцев, а ему выдали грамоту, в которой значилось, что он, «русский первый кенаровод, одарён государевой милостью». Выдали Ивану Рябову за его долголетний труд из казны 25 рублей золотом.

К Ивану Рябову приехали гонцы из Англии, Германии, Финляндии и Италии, чтобы узнать о его «новом виде золотого кенара», как писали зарубежные газеты и журналы. Иностранцы убедились, что новый кенар намного превосходит тирольского и «поёт прекрасно и удивительно». Так, с лёгкой руки крестьянина, зародилось в России кенароводство.

В наше время кенароводство продолжает успешно развиваться. Этим делом занимаются в стране такие известные биологи-селекционеры, как Г. Ф. Чернявский, И. Ф. Барсовский, Г. Л. Морель, Л. О. Осипов и другие.

И вот недавно посетители выставки стали свидетелями, казалось бы, невозможного: кенар Пинча, исполнив мелодию с 20 голосовыми переливами, заговорил... человеческим голосом. К рассказанному хочется добавить, что канарейки поют 10 месяцев в году. И если вы хотите, чтобы у вас в квартире были всегда весна и лето, — поселите у себя канарейку.

самое РЕКОРДЫ ГASTRONOMИИ самое

САМОЕ увесистое блюдо — жареный верблюд. Этот деликатес — традиционное украшение свадебного пиршества у бедуинов. Приготавливается оно так: варёные яйца тушатся в рыбе, рыба тушится в варёных курицах, курицы тушатся в жареном баране, а баран запекается в верблюжьей туши.

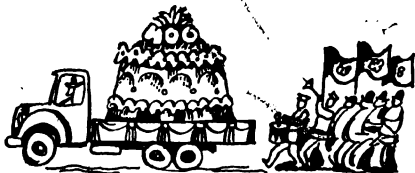

САМЫЙ первый чай в России появился в 1638 году, когда монгольский владыка Алтын-хан прислал русскому царю Михаилу Фёдоровичу 60 килограммов чая. Это был ответный дар хана по случаю преподношения ему от имени русского царя сотни соболиных шкур.

САМОЕ первое мороженое появилось в Европе ещё в XIII веке. Рецепт его приготовления привёз известный венецианский путешественник Марко Поло. Мороженое сразу же вошло в число изысканнейших блюд при дворах.

САМЫЙ гигантский сыр весом в 10 тонн был изготовлен сыроварами канадского города Перт для Всемирной выставки в Чикаго. В честь сыра-гиганта жителями Перта был даже поставлен памятник.

САМЫЙ огромный торт испекли кондитеры Рио-де-Жанейро по случаю 400-летия своего города. Торт весил 1300 килограммов, так что каждый из 24 тысяч гостей получил кусочек деликатеса.

САМЫЙ древний кусок хлеба демонстрируется в одном из музеев города Цюриха (Швейцария). Считают, что этот хлеб выпечен 6000 лет назад. Обнаружен он археологами в иле при осушении озера.

САМЫЙ первый консервированный продукт человек получил из высушенного на солнце мяса мамонта. Самые же первые консервы в современном понимании этого слова изготовил француз Никола Франсуа Аппер в 1795 году. Наградой Апперу были государственная премия и присуждение ему почётного звания «Благодетель человечества».

САМЫМ опасным блюдом является, пожалуй, рыба фугу, во внутренностях которой содержится смертельный яд. Тем не менее после умелой чистки рыба становится безвредной и представляет собой один из деликатесов Японии.

САМАЯ редкая гастрономическая профессия — «слушатель сыра». В итальянском городе Парма, где производят сыр «пармезан», есть несколько специалистов, которые «слушают сыр». Ударяя по сыру серебряными молоточками, они по характеру звука определяют: «дозрел» он или нет.

САМЫЙ первый кисломолочный продукт из коровьего молока — кефир — стал известен в нашей стране в середине прошлого века.

самое СОБРАЛ В КОЗИЦКИИ самое

ПЕРНАТЫЕ ЧУЖЕСТРАНЦЫ

Жительница нашего города Е. В. Лукина, биолог по образованию, собрала в своей квартире 60 неутомонно щебечущих жильцов — экзотических птиц из разных южных стран. Они не похожи на птиц из наших лесов и садов и поражают не только своим пёстрым оперением, но и миниатюрными размерами. На ладони легко уместается полдюжины птиц.

СКОЛЬКО НАС НА ЗЕМЛЕ

По данным ООН, на 1 июля 1975 года население земного шара составило 3 миллиарда 967 миллионов человек.

Больше всего людей живёт в Азии — 2 миллиарда 256 миллионов человек. В Европе — 473 миллиона, в Африке — 401 миллион, в Латинской Америке — 324 миллиона, в Северной Америке — 237 миллионов человек.

Началось всё с подарка из Праги. Чешский учёный Вегер привёз Лукиной нескольких зебровых и японских амадинов и бриллиантовую горлицу. Они хорошо прижились и стали размножаться в неволе. Вскоре из Праги прибыли коричневые амадины. Коллекция стала расти. Подвешенная под потолком эритемная лампа заменяет крылатым заморским пришельцам богатое ультрафиолетовыми лучами тропическое солнце.

Пробуждая т с я птицы в квартире с рассветом и умолкают с наступлением темноты. У их хозяйки день тоже начинается в четыре часа утра. Увлеченность жизнью заморских птиц превращает её труд в радость. Е. В. Лукина написала книгу «Пернатые чужестранцы», в которой обобщила наблюдения над экспонатами своей редкой коллекции. Это первая на русском языке книга о жизни экзотических птиц в северных широтах.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МУЗЕЙ

В 1714 году в нашем городе была основана Кунсткамера, где хранились анатомические, зоологические и исторические коллекции, собранные как в России, так и приобретённые в других странах.

Через 5 лет собрания уникальных коллекций были открыты для всеобщего обозрения. Это и был первый музей на Руси.

НОВЫЙ МИРОВОЙ РЕКОРД

Японский студент Такадзи Като установил новый мировой рекорд дальности полёта на самолёте, приводимом в движение мускульной силой человека. На аппарате, построенном из дерева и промасленной бумаги, весом 37 килограммов, Като пролетел 2093 метра. Полёт продолжался 4 минуты 27 секунд, на высоте 1—2 метра.

Старый рекорд дальности полёта на самолёте такого типа принадлежал англичанину и составлял 1070 метров.

...в нашей стране выходит 7985 газет на 56 языках народов СССР! 168 миллионов экземпляров — таков их разовый тираж. Выпускается 4726 журналов и изданий журнального типа с годовым тиражом более 3 миллиардов 800 миллионов экземпляров. В среднем на каждую семью приходится по четыре периодических издания.

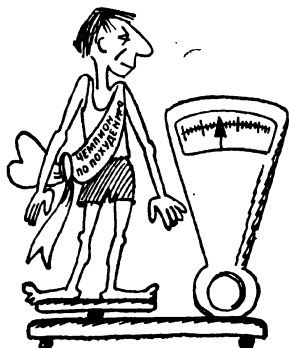
...в водах морей и океанов живут 300 тысяч видов живых существ! Большая часть их определяется единым понятием — планктон. Величина составляющих его организмов различна, но не превышает нескольких сантиметров. Пока эти морские обитатели не употребляются в пищу. Но «гастрономические» попытки уже предпринимались. Пассажиры плота «Кон-Тики», например, нашли, что планктон вполне пригоден для питания, а по вкусу напоминает креветки.

...в Чехословакии много деревьев-старожилов, находящихся под государственной охраной! Среди них — старая липа, растущая в селе Судславице, близ города Вимперк. Её возраст около 700 лет, обхват ствола более 12 метров.

...житель норвежского города Шиена Густав Густавсен установил своеобразный рекорд! Ему удалось менее чем за год похудеть на... 76 килограммов. Раньше он весил 162,5 килограмма. Норвежские журналы единодушно признают Густавсена «чемпионом Скандинавии по похудению».

...самый северный в мире Ботанический сад находится на Кольском полуострове, недалеко от города Кировска! Он сочетает все виды северного пейзажа. Здесь и каменистые сопки с хвойным и лиственным лесом, и лишённая древесной растительности тундра, и река с заболоченными поймами. На 70 гектарах раскинулся этот полярно-альпийский ботанический сад.

...в Гдове открылся первый народный музей! Экспонаты рассказывают о поселениях в X и XI веках на Гдовщине, о Ледовом побоище на Чудском озере. Многие документы и фотографии посвящены установлению советской власти и участию гдовичан в борьбе с фашистскими захватчиками.

...в лесах нашей области живёт около 70 тысяч белок, 110 тысяч зайцев, 7 тысяч лисиц, 24 тысячи куниц, горностаев и хорей, 400 волков, 27 тысяч лосей, 7 тысяч кабанов, 600 рысей, примерно столько же медведей и более 8 тысяч бобров! Эти данные получены в итоге проведённой переписи научными работниками западного отделения Института охотничьего хозяйства и звероводства, которым активно помогали охотоводы, егери, лесники и охотники.

...в Донецке выращены удивительные грецкие орехи! По своим размерам они превосходят куриное яйцо. По питательности ядра втрое превышают пшеничный хлеб, в семь раз — картошку, в десять раз — коровье молоко. Выведенный новый сорт орехов созревает намного раньше других и отличается повышенной устойчивостью к морозам. Урожайность — в полтора раза выше, чем у других сортов.

...территория Финляндии с каждым годом увеличивается в результате подъёма материка! Наибольший подъём суши наблюдается в Ботническом заливе, где в среднем за год вода отступает от побережья на 10—50 метров. Финские учёные считают, что через 2000 лет Ботнический залив превратится в сушу.

...в ноябре 1815 года на Неве появился первый русский пароход «Елизавета»! Диковинное судно, какого ещё не видели пётрбуржцы, представляло обыкновенную лодку-тихвинку с длинной трубой посередине. Вдруг труба задыхалась, и судно легко пошло против течения. Оно развило по тем временам невиданную скорость, дойдя до Кронштадта за 2 часа 45 минут.

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 5]

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Орден. 8. Конвой. 9. Скобка. 10. Золото. 12. Трахля. 13. Робеспьер. 16. Картон. 17. Расход. 18. Болеро. 20. Краков. 21. Лемех.

По вертикали: 1. Край. 2. Пенс. 4. Сокол. 5. Автопортрет. 6. Ковалевская. 7. Эклер. 11. Океан. 12. Топор. 14. Мажор. 15. Молот. 19. Орех. 20. Крен.

ХОДОМ ШАХМАТНОГО КОРОЛЯ

Не на пользу книги читать, коли одни вершки хватать.

РЕБУС-МАЛЮТКА

Извинение = Из В И Н Е + ние.

МИНИ-РЕБУС

Вагранка = В А Г + Р ан К + А.

Содержание

Зелёный пояс Славы. Стихотворение Валерия Шумилина . . .	1
Пробуждение. Окончание повести Ивана Сабилы	2
Пушкинский дом. Очерк Эд. Аренина	24
На что похоже солнце? Двое. Память. Стихотворения Музафара Алимбаева	31
От весны до весны. Очерк Валерия Воскобойникова	33
Мой олень. Стихотворение Юлии Кыркелана	38
Набег на тутовник. Рассказ Виктории Вартан	39
Одиноким Барабошка. Стихотворение В. Лейкина	41
Салют, Автоград! Репортаж В. Виноградова	42
Народные предания Гарца	44
«Ракеты» и «молнии». Рассказ Николая Кузьмина	47
Малыш. Стихотворение С. Пивоварова	53
Почему блоху подковал Левша. Очерк Р. Повилейко	54
Птичка с человеческим голосом. Рассказ А. Пригонова и В. Круглова	59
Самое-самое	61
Пёстрые заметки	62

На 1-й странице обложки рисунок Г. Ясинского «Трудовая четверть».

На 2-й странице обложки «Пусть всегда будет солнце!» Фотоэтиюд О. Миронца.

На 3-й странице обложки «Набережные Челны: Новый проспект; главный конвейер; первая поковка» (текст на стр. 42—43). Фото В. Виноградова.

На 4-й странице обложки рисунок Ю. Бочкарёва «Расскажите, чьи вы?».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО
И. о. редактора-составителя Г. А. АРШИННИКОВ
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов,
А. М. Млодик, В. Н. Суслов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 29/IV 1977 г. Подписано к печати 15/VI 1977 г. 4 п. л.
М-23660. Зак. № 162. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 64 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
Ленинград, Фонтанка, 57.

KAMAZ

KAMAZ

ЧЬИ ВЫ? ЧЬИ ВЫ?
ЧЬИ ВЫ?

певчего дрозда,
стенной пустельги, зелёной
перестешки, странствующего
дрозда, серощёкой
поганки, жулана, скопы,
снегиря, камнешарки

